

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

уставший интеллигент

блок-пост

повесть

уставший интеллигент

Блок-пост

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67392455

SelfPub; 2022

Аннотация

Знакомые читали, смеялись. Все эпизоды взяты из жизни.
Имена и прозвища изменены.
Содержит нецензурную брань.

уставший интеллигент

Блок-пост

,не нужно это некому вот и всё,

из кинофильма ,Андрей Рублёв,

– Цып, цып, цып иди сюда сука, – худощавый мужик, одетый в старые потёртые синие джинсы и куртку на голое тело песочного цвета с нашивкой «БАМ» на левой стороне, согнулся, вытянул вперёд руку и перебирал большим и указательным пальцами, как будто там что-то было.

Облезлая курица, сквозь редкие, засаленные перья, местами виднелась красная кожа, не поверила. Косясь одним глазом, она стремилась к забору – в крапиву. Мужик сделал осторожный шаг вперёд. Курица юркнула в крапиву. Мужик рванул, попытался придавить её ногой, обутой в стоптанные кеды, но не успел. Она зашуршала дальше. Мужик – за ней по тропинке, параллельно крапивы и забора. Была надежда, что курица застрянет между штакетником, но она не допустила этой ошибки. Несколько раз она ткнулась в забор, видя, что между штакетником недостаточный проход, чтобы уйти, проявила благоразумие, а не бессмысленное

упрямство и бежала дальше. Через несколько метров была оторванная штакетина. Курица шмыганула туда, а за забором – огород, заросший бурьяном.

– Ушла тварь, – мужик выпрямился и пошёл назад.

– Х..и встал.е...м щёлкаешь. Надо было наперёд бежать. Отсекать на х.., – он говорил это парню, стоявшему на тропинке.

– Надо было палкой еб....ь, – круглое в угрях лицо парня растянулось в фальшивой улыбки, обнажая редкие запущенные зубы..

– Надооо быыылоо ээээ, – мужик передразнил парня, вытянув губы. Он выбросил вперёд руку, пытаясь схватить парня за козырёк чёрной бейсболки. Парень успел сделать шаг назад, придерживая бейсболку. Он был на полголовы ниже мужика.

– Сюда иди, – мужик поманил пальцем. Голос был тихий и угрожающий. Морщинистое прямоугольное лицо с выпуклыми скулами, впалыми щёками, кривой от перелома нос, жёлтые зубы, надвигались на парня. Он, одетый в зимнюю рубашку, в чёрно-красную клетку, порванную подмышкой с левой стороны, наполовину заправленную в спортивные

штаны «Монтана» синего цвета. Он, обутый без носков, в стоптанные домашнее тапки, небольшими шажками пятился назад. Мужик смотрел парню в глаза. Парень не выдержал взгляд, его голубые глаза забегали, но тут он что-то увидел слева от мужика и устремил взгляд туда. Мужик понял кто-то идёт.

– Слушай сгоняй к Иванычу за махоркой. Покурим, – мужик сказал это спокойным тоном, больше не парню, а для того, кто подходит.

– Привет Серёга, – подошедший протянул руку. Это был плотный мужик среднего роста, усатый, тёмно-русые волосы с проседью. Овальное мясистое лицо, на подбородке ямочка.

– Здравова, – ответил мужик, но руку не подал.

– Привет, Толик.

– Привет, Николаич, – усатый и парень поздоровались, пожав руки. Мужик пошёл вперёд. Толик развернулся и за ним, на полшага отставая.

– Сидор даже руку не пожал. Обидки б...ь затаил. Да и х.. на тебя.

– Ему Лупень про тебя в уши дует.

– Чё ему надо было от тебя?

– Курицу хотел поймать. Наверно, у Копейкиных сбежала, – они прошли по переулку не больше десяти домов. Сидор смотрел им в спины. Он знал сейчас они дойдут до конца переулка, выйдут на берег протоки и будут решать, куда повернуть: налево или на права. Так и произошло. Двое остановились, посмотрев по сторонам.

– Ну х... стоишь, б...ь , рожай быстрее., – Сидор знал, Николаич примет решение, поэтому подумал про него.

Они повернули налево.

– На бревно, козлы, – пробормотал Сидор. Он стал думать, куда пойти. Хотелось курить, но мысль идти к Иванычу, а потом идти обратно, была неприятной.

Повернув налево, Толик и Николаич пошли по тропинке, поросшей травкой-муравкой с вкраплением подорожника. Когда-то это была широкая улица вдоль берега, по которой ходил транспорт. Напоминанием об этом была левая колея от колёс, правая колея обвалилась вместе с берегом, и теперь осталось тропинка для пешеходов. По пути им попа-

дались тополя с обеих сторон тропинки: слева у приусадебных заборов, справа некоторые деревья уже упали в воду, но корнями ещё держались за берег. Весной, когда много воды, их не оторвало. Другие тополя стояли у самого края. Обваливающийся берег обнажил могучие корни. На другом берегу кустарники ивы, наоборот, наступали на воду.

Русло протоки медленно и неуклонно менялось.

– Вода падает, скоро неводить можно будет, – сказал Толик.

– Надо к Мише зайти, что-то не зовут на рыбалку, зимой Саня меня звал, – Николаич покосился на Толика. Он шёл ближе к берегу. Братья Миша и Саша сказали ему ещё весной, что они звали Толика рыбачить. Он обещал, но не пришёл. Это повторилось несколько раз. Они зашли за ним. Он валялся пьяный.

«Больше не позовём, нах нужен. Пусть пьёт», – сейчас Николаич думал сказать это Толику или нет.

«Ну, скажу, что изменится? Что, он пить бросит? Нет!», – он решил не говорить.

– Осенью бочкарить пойдём. Помнишь, у меня была офи-

генная бочка. Наверно, Лупень с.....л или Заманихин. Я на улице оставил, не занёс б...ь.

– Ты бочку у Константиныча взял?

– Да, я работал у него.

– Он с работы натаскал, у него ещё должны быть.

– Да-да, Николаич. Наверняка есть. Попроси. Я отработаю.

– Случай будет, попрошу.

Они подошли к трём тополям, образующим небольшую поляну неправильной формы. На ней – свежее кострище, вокруг мусор, характерный для пьянки. Упаковки от еды: китайская лапша, полторалитровые пластиковые бутылки, пакеты из-под сигарет, пакетики растворимого напитка.

– Нельзя в костёр побросать?! – пробурчал Николаич.

– Рыжий опять бухал с девками, – сказал Толик, – бычки должны быть.

– Херней не занимайся – оплёванные бычки собирать.

Сейчас возьмём у кого-нибудь. Толик быстро осмотрел место попойки. Его взгляд выхватил тонкий окурочок на пол сигареты длинной.

– Николаич, ну смотри какой бэкан.

– Где?

– Да вон.

– Толик, б...ь, ты е.....я? Это бабская сигарета. Поди ещё с ментолом. Она сосёт, а ты собрался докуривать за ней. Ты ещё б...ь на людях это сделай.

– Я понял.

– Что ты понял?

– Бычки не буду собирать, никакие. Может, полторашку взять? Воды наберём, – Толик глянул на Николаича.

– Возьми.

Толик подобрал менее всего помятую полторашку. Они двинулись дальше. Тропинка стала расширяться. Показался понтонный мост. Дорожка пошла вдоль стены брошенного

дома. Завернув за угол и пройдя ещё немного, они подошли к бревну, которое осталось от спиленного тополя. Ветви и верхушка дерева были спилены, но ещё осталось бревно около трёх метров длины, диаметром – больше обхвата руками взрослого человека. Оно лежало почти параллельно протоки. Его тоже пытались разделать, следы от бензопилы остались с обеих сторон. Возможно, бревно спасло то, что оно не загоразживало проезжую часть, поэтому дело не было доведено до конца и на бревно махнули рукой. Оно почти всё лежало на траве и только небольшой конец на вытоптанной, пыльной дороге, которая завершалась въездом на неширокий понтонный мост. На нём нет места, чтобы разъехаться двум машинам. Дорога подходила к мосту под углом справа, если стоять спиной к протоке. Ещё одна дорога – под углом слева. Эта дорога была уже и менее оживлённой. Посредине неё и по бокам росла трава. Дорога справа, начиная от моста, чтобы было лучше заезжать, усыпана щебнем. Перед мостом образовалась небольшая

площадь. Тропинка, по которой пришли Толик и Николаич, после моста продолжала идти вдоль берега, который плавно изгибался в права.

Они подошли к бревну. Там уже был человек возрастом за сорок, с испытанным лицом в морщинах и прыщах. Он, одетый в чёрную замусоленную телогрейку с торчайшей ватой

на голое тело. Он сидел на земле, вытянув босые ноги, облокотившись спиной на бревно, почти на середине бревна, ближе к пеньку. Человек был грязный. Мухи роились вокруг него, садясь на ступни, лицо, на животе сочился сукровицей небольшой порез – самое интересное место для них. Человек закинул голову назад, закрыв глаза и открыв рот. Мухи резвились вовсю. Когда к нему подошли, человек поднял руку к губам, но немного не дотянулся, и рука безвольно рухнула назад.

– Привет, Витёк. Как переночевал? – спросил Николаич. Человек никак не отреагировал.

– Развёл мух п...ц. Надо его оттащить отсюда.

– Надо Чесноку сказать, – осторожно ответил Толик.

– Обязательно, – Николаич сел на бревно. Толик сел на пеньк, боком к мосту. Посмотрев на конец моста на друом берегу, он, медленно повернув голову налево, окинул взглядом панораму перед собой – заросли ивы на том берегу; протока, уходящая в далеке за поворот; редкие тополя на этом берегу. Постепенно тополя становятся по гуще и вдалеке идут плотным строем. Тропинка по берегу. Одноэтажные дома жителей посёлка. Огороды. Улица на право, в начале которой два двухэтажных дома барачного типа, из бруса, почерневшего

от времени с четырьмя подъездами. В первом доме Толику видно все подъезды. Второй дом – под углом относительно первого, потому что поворот на право. Толику не видно подъезды. Дорога, покрытая щебёнкой.

На другой стороне дороги железные гаражи, сараи и сараи, приспособленные под гаражи. За гаражами бурьян, крапива, репейник. Они заканчиваются у дороги налево. Это обычная неширокая, пыльная, поселковая улица. Дальше от реки начинаются заборы и огороды с домами. На стороне, где бревно, тот же бурьян и остов сгоревшего дома. Крыша обвалилась, но обугленные стены ещё стоят. Потом дома, как обычно. Толику нравится его позиция, не видно только тропинку, по которой они пришли, но её контролирует Николаич.

– Схожу за водой, – Толик встал и пошёл на улицу, мимо обугленного сруба, сгоревшего дома. Он повернул за угол, улица плавно уходила налево. Через пару минут, он подошёл к проулку направо, оттуда не спеша шли двое. Они увидели его, и Толик остановился, ожидая их. Это были высокий сухопарый мужик в старых застиранных серых брюках, подпоясанный алюминиевой проволокой, в голубой футболке с молнией на шеи. На ногах были серые от пыли стоптанные макасины; на голове – светлая кепка-трёхклинка в маленькую клетку. Загорелое овальное лицо, впалые щёки, выбритый. Ему было около сорока пяти лет. Он докуривал сигарет-

ту без фильтра, держа её большим пальцем и фалангой указательного пальца. От пальцев у него остались только фаланги, кроме больших пальцев. Второй почти на голову ниже: немного сутулый; одетый в старый заношенный, чёрный пиджак, грязную майку-алкоголичку и синие трико. На голове у него была зелёная панама, а на босых ногах – домашние шлёпанцы. Его лицо начало опухать от пьянки. Оно покрылось угрями. Трёхдневная щетина. Около сорока лет. Они подошли:

– К Лысому? – спросил высокий.

– Нет. За водой.

-Кто?

– Я, Николаич, Опойка.

– Х..и ты. Тебя и так вижу.

Они пошли на бревно. Высокий почти докурил. Осталось совсем немного. Он протянул руку налево и, не глядя, подхватил второй или замешкался, разжал пальцы. Второй поймал окурок в ладонь, тут же отправил в рот, держа кончиками пальцев и машинально подстраховывая ладонью у подбородка.

– О з...к. На две дышечки. – Он затянулся. Вторая затяжка уже обожгла губы.

– Е...ь колотить, – мужик стряхнул с губ остатки табака и пепел.

Толик посмотрел им вслед и пошёл дальше. Он подошёл к уличной водоразборной колонке, находившейся на обочине улице справа. Там уже был один человек. Парень около двадцати лет заканчивал работу. Он наливал воду в ведро и переливал в алюминиевую флягу. Та стояла в специальной двухколёсной тележке, приспособленной возить флягу или газовый баллон. Сейчас тележка была в вертикальном положении. Парень был в галошах, спортивных штанах, в футболке с рисунком:

– Привет, Юра. Ты курить начал? – спросил Толик.

– Нет. Я никогда не буду курить.

– Зря.

Парень набрал воду. Стал закрывать флягу.

– Давай помогу.

– Не надо, я сам справлюсь.

– Конечно, справишься. Х..и тут справятся, – пробормотал Толик.

Парень взял тележку за ручку, опустил к низу и покатил её за собой. Толик всполоснул бутылку, налил воды, напился, снова долил и пошёл назад. Подходя к погорелкам, он по голосам понял, что на бревне много людей. Слышался прокуренный

женский голос. Толик повернул из-за угла. На бревне, кроме Николаича, Опойки и тех двоих из проулка, были ещё два человека. Парень лет двадцати, в помятой одежде, чёрных брюках и в светлозелённой летней рубашке с длинным рукавом. Он был среднего роста, худой, короткие взлохмаченные волосы. Загорелое и не умытое лицо. Голова формы дыни, сужающаяся кверху и широкая по середине, слегка сдвинутый в сторону нос. Воспалённые глаза, покрытые мелкой красной сеточкой капилляров, признак давления.

Вторым человеком была женщина в цветной юбке ниже колена, джинсовой куртке и грязной белой футболке. На ногах босоножки. Ростом чуть ниже среднего. Серое овальное лицо, опухшие от алкоголизма веки и щёки. Сальные во-

лосы, собранные взади резинкой, когда-то были покрашены хной. Сейчас хна облазила, кое-где проскакивали седые волосинки. Прямой нос, ровные губы, высокий лоб. Она была не худой и не толстой. Средней комплекции. Женщина поставила одну ногу на бревно и спорила с Беспалым. Он стоял с другой стороны, спиной к Толику. Его спутник сидел на бревне. Николаич и Опойка оставались на своих местах. Парень стоял в конце бревна, боком к Толику и смотрел на спорящих. Толик подошёл:

– О, воды подогнал. Давай сюда, – сказал парень и протянул руку. Толика покоробил вальяжный тон и нахальная улыбка.

– Николаич, будешь? – он сказал твёрдым тоном и протянул ему бутылку.

Тот медленно взял, открутил пробку сделал несколько глотков.

– Не закрывай, Саня, – Беспалый взял бутылку, глотнул, передал парню.

Женщина тоже сделала несколько глотков. Бутылка вернулась к Толику. Он сел на пенёк.

– Ну это, я не знаю, кто ей это напел, но она уверена, что ты Верку е..л, – продолжила разговор женщина.

– Всё ты знаешь, вы п....е друг другу всё.

– Ещё будто Стёпа сказал, что напьётся и Чесноку п....а.

– Ну и где он б...ь. Сука зла не хватает, аж курить захотелось.

Две девушки под руку появились на тропинке справа от моста и пошли на него.

– Привет, Сонька, – крикнул дынеголовый парень.

– Привет, Лупень. Хи-хи-хи, – обе захихикали.

– Ты что б...ь, о....а, сейчас догоню, – парень сделал вид, что рванулся, но остался на месте.

На правой улице затарахтел мотоцикл. Все посмотрели. Ехали два пацана на «Минске».

– Родственник, тормози. Возьми курить, – Чеснок быстро посмотрел на своего спутника. Тот встал шагнул от бревна, но пацаны сами подъехали к бревну.

– Привет, – сказал сидящий впереди.

– Дядь Петь, мама сказала, чтобы ты пришёл.

– Дай сигарету.

– У нас нет.

– Не п...и.

– Правда.

– А если найду, – сказал Лупень.

-В штанах у него пошарься, в карманах, заодно в бильярд поиграешь, только не увлекайся, – сказал Николаич. Все посмотрели на него.

-Ты чё б...ь сказал.

-Подойди, повторю.

-Вы куда? – спросил мужик.

Пацан кивнул на мост.

-Захватите там сигарет. Хоть пару штук.

Пацан снова кивнул и завёл мотоцикл. Они поехали на мост.

-Ты п...а, я сказал б...ь, балду лизни, малафья е....я, – раздались резкие выкрики. Это был Опойка. Он разговаривал сам с собой. Несколько раз дёрнулся, как будто хотел встать. Пробормотал ещё что-то и снова затих. С левой улицы, где водоколонка, подошёл Сидор:

-Привет, кого не видел. Привет Надя, – Обратился он к женщине.

– Привет, Серёга.

Все сели на бревно. Толик на пеньке, Николаич на краю бревна, Опойка внизу на земле, Чеснок, Петя, Сидор, Лупень и на другом конце бревна Надя.

-О Максим идёт, сейчас покурим, – потёр руки Лупень.

-С х...и покурим, салага совсем, он курит? – сказал Чеснок.

-Я его засёк за баней, курит. Сам очкует, зырк, зырк по сторонам, пригнулся б...ь. Там крапива. С фильтром курил.

-Не х.. .Он мужик. Он тебя видел?

-Х.. знает, кажется, видел. Ну и х.. с ним. Жаль не встретили, когда туда шёл. Наверно, все деньги потратил.

-Не неси х...ю, деньги б...ь. Я буду говорить, если в отказ пойдёт, потихоньку давите. Максим приближался. Это был пацан одиннадцати-двенадцати лет. В спортивном костюме. На половине моста он понял, что к нему привлечено внимание. Это смутило его. Он не смотрел на бревно. В руках он нёс пакет с продуктами. Максим прошёл мост.

- Максим, привет, – начал Чеснок.

-Здравствуйте.

-Максим, подойди. – Чеснок позвал Максима, слегка поманив его ладонью.

Пацан подошёл, испытующе посмотрел на Чеснока.

- Как дела, Максим? Как мама? Ты поставь пакет. Не думай. Нам

это не надо, – улыбался Чеснок.

– Хорошо. У мамы всё хорошо, – быстро ответил Максим. Пакет поставил на траву.

-Картошку пропололи?

-Да

-Молодцы.

-Максим, а в школе лагерь сейчас есть?

– Есть. Дневной.

-Ты ходишь?

-Хожу.

-Молодец. Я тоже ходил. Мне нравилось. Представляешь, сколько лет прошло?! Ох, мы озорничали. Днём играли в футбол, волейбол, купались, дрались. По ночам к девкам лазали, а девкам хулиганы нравятся. Ты это имей в виду. Скоро будешь их окучивать. Как картошку. Ха-ха. А в старших классах портвейн, папиросы. Весело было. Представляешь,

Максим, мы «Беломор» курили, папиросы такие. Горло дерёт, жуть, а сейчас что пацаны курят?

-Не знаю.

-Ну, как не знаю. Чё ты на луне живёшь что ли. Они же вообще курят?

-Не знаю.

-Чё ты заладил, не знаю да не знаю. По улицам ходят, в открытую курят. Не прячутся за баней.

Максим пристально посмотрел на Чеснока.

- Когда пацан прячется, значит, не хочет, чтобы мама узнала. Да? Максим, давай покурим, – Чеснок перестал улыбаться.

-У меня... – неуверенно заговорил Максим.

-Вот не ври, Максим, только не ври. У тебя есть курево. Мы знаем, и ты знаешь, что мы знаем.

-Максим, доставай курево. С нами можно курить. Мы трепаться не будем. Ты же с пацанами куришь, – сказал Сидор.

-Доставай, Максим, покури с мужиками, чё ты, – добавил Лупень.

Максим быстро достал из кармана штанов начатаю пачку сигарет с фильтром. Сигареты этой марки считались у жителей посёлка дорогими. Максим потянул сигарету, передумал. Протянул всю открытую пачку Чесноку.

-Тряхни из пачки, Максим, – с чуть заметным осуждением сказал Сидор. Чесноку было неудобно из пачки доставать. Максим перевернул пачку и осторожно постучал пальцем по дну. Показались сигареты. Чеснок ловко подцепил культияпками две сигареты. Одну отправил в рот, вторую за ухо.

-Ну, вот видишь, а ты не хотел, – сказал он. Не зная, что делать, Максим посмотрел по сторонам от Чеснока.

-Всем давай, – сказал он. Максим протянул пачку Николаичу. Тот взял одну сигарету. Толик тоже взял одну. Максим протянул Опойке. Тот никак не среагировал. Максим протянул Сидору, тот взял две. Пятак тоже взял две. Лупень не протянул руку Максиму, пришлось сделать шаг к нему. Лупень взял три.

– О, ты хорошие куришь. Молодец. Хорошие кури. Пло-

хия не кури. Не привыкай. К хорошим привыкай, – сказал он. Надя взяла две. Максим сделал шаг назад к пакету. Тут

оживился Опойка.

– Мне давай, – он наклонился вперёд и дотянулся до Максима, схватившись за штаны. На бревне вяло засмеялись.

– Пожалуйста, пожалуйста, – пробормотал Максим.

– Не балуй, – Сидор за шиворот потянул Опойку назад. Опойка достал три сигареты. Он снова прислонился к бревну. Сунул сигарету в рот. Попал не тем концом. Фильтром наружу, табаком в рот. Две сигареты стал засовывать в наружный карман телогрейки. Одна поломалась, табак посыпался по одежде. Вторая упала на траву. Максим быстро нагнулся, подобрал и засунул сигарету в пачку.

– Максим, сам-то закуривай, – сказал Чеснок. Уже все закурили. Сначала чиркнул спичкой Пятак. Прикурил. От его спички прикурил Сидор. Лупню он дал прикурить от сигареты. От Лупня прикурила Надя.

– Покурим с тобой, – негромко сказал Николаич Толик. Свою сигарету он сунул в нагрудный карман рубашки. Толик кивнул, чиркая спичкой, закурил.

-У него поди и сигарет не осталось, – сказала Надя, выпускающая дым, – последнюю не берите, что уж совсем-то. Нельзя так.

-Сколько осталось, покажи, – Сидор вопросительно кивнул Максиму.

– Две, – Максим показал нутро пачки.

-Ну, закуривай. Покури с нами, и как раз одна у тебя останется, – сказал Чеснок.

– Нет. Я сейчас только курил, на той стороне, – Максим кивнул головой назад.

-В кустах? Гы-гы, – вставил в разговор Лупень.

-Х... лыбишься, – одёрнул его Чеснок.

-Почему нельзя последнюю брать? – Максим посмотрел на

Катю.

– Последнюю никогда не бери, – серьёзно сказал Чеснок.

-Почему? Что будет?

-Ничего не будет. Не бери и всё. Нельзя у человека последнюю забирать.

-Баба Тоня идёт, – Максим быстро сунул пачку в карман и

отступил на полшага назад. Из первого подъезда второго барака вышла пенсионерка. Она шла, опираясь на палку. Щурилась и прикладывала ладонь к глазам.

-Максим, да чё ты очкуешь. Пусть все знают. Мы в десять лет на крыше поезда ездили. Ваще по х.. было, – сказал Сидор.

Максим сжал губы. Ничего не ответил.

-Максим? Людмилы сын? – пенсионерка издали начала говорить.

– Что привязались к мальчонке. Иди, Максим, иди. Они тебе ничего не сделают. -Обитатели бревна опять вяло засмеялись. Пенсионерка подошла к бревну и встала рядом с Надей:

-А ты Надька. У, бесстыжая, целый день тут на миру. И не стыдно, не совестно тебе.

-Баб Тонь, ты мою совесть не трогай. Ты в душу не лезь, – Надя сказала это глухим озлобленным голосом, смотря в траву и отрицательно качая головой.

-Что они его держат? Что он тут стоит? Нет отца, можно обижать мальчонку?

-Никто его не держит. Иди, что встал, – Чеснок посмотрел на Максима, тот переступил с ноги на ногу.

-Баба-Тоня, я с ребятами по делу говорил. Мне ещё у них надо спросить,– выпалил Максим.

– Что, что? Какое дело, Максимка? Они пьяницы, разве ты не видишь? Чему они тебя научат.

-Я в школе дрался весной, вот советуюсь.

На Максима удивлённо посмотрели.

-Запугали, ой, запугали мальчонку. Всё Людмиле расскажу, – баба Тоня пошла на мост. Когда она подошла к нему, обернулась и встала, качая головой.

Чеснок наклонился вперёд:

-Говори, если что хотел спросить и иди, чтобы она видела, – сказал он негромко. Максим также негромко быстро ответил.

-У меня к вам всем просьба, никому не говорите, что я курю, – сказав это, он начал краснеть.

-И всё... – протянул Чеснок.

-Аха-ха, – опять засмеялся Лупень, – ну, ты и артист. Ты...

-Да ты заткнёшься сегодня или нет. Ты з....л уже, – раздражённо перебил его Чеснок.

-Максим за нас не бойся, мы трепать не станем, но поверь моему опыту. Это не утаишь. Скоро все узнают, – сказал Сидор.

- Ты же мужик. Спросят, куришь? Говори «да курю и чё?». Пусть все знают, -добавил Чеснок.

-Это будет потом. До свидания. Я пошёл, – сказал Максим

погромче.

-Давай, – сказал Чеснок.

-Пока, Максим, – сказал Николаич.

-Пока, – добавил Толик.

Максим пошёл по берегу. Баба Тоня проводила его взглядом и, качая головой, пошла по мосту.

-На Володьку стал похож. Вылитый будет. Маленький не так больше на Людку, – сказала Надя, смотря вслед Максиму.

-Эх Вовка, Вовка на х.. ты взял эту Жигу. Кто знал, что так получится, – сказал Сидор.

-Баб е...ь, – буркнул Лупень.

-А ты рядом стоял? – резко сказала Надя, – его на работу вызвали.

-Да ладно, Надь, что теперь, это он Людке сказал. Бабы его любили. Была у него зазноба в городе. Несвободная. Не мог её забыть. Она позвонила, вот он и рванул, – сказал Чеснок,

покосившись на Катю при словах о бабах.

-П...а погубила, – сказал Пятак.

-П...а всех погубила, – добавил Лупень, – даже Пушкина.

По дороге со стороны барачков в сторону моста, объезжая ямы и ухабы, ехал внедорожник. В нём два плотных мужика сорока лет. Одетые в спортивные костюмы. Короткая стрижка. Они разговаривали. Сидящий на пассажирском сиденье вертел в руках литровую бутылку водки с винтовой крышкой. Бутылка уже начата. Отпито меньше трети. Мужик рассуждал:

-Нет, я Стасу скажу, на х.. так делать. Предупредить трудно. Сколько вместе работали.

-Может, он не знает, что палёнка пошла. Может, запарился предупредить, дел полно, – отвечал второй.

- Ну как он может не знать. Сразу скажут местные синяки. Там хватает специалистов. Кстати, он и сам квасит.

-Мне Митя рассказывал. Сначала водку хорошую везут. Потом начинают борзеть. Ну, типа водка раскручена. Спрос есть. Хотя да, Стас партию получил, не может он не расчу-

хоть, что палёнка. Может, он решил что, мы запились. Нам уже по х...что пить, -ответил собеседник.

В это время внедорожник выехал на прямой участок до моста. Двое в машине увидели край бревна и спины сидящих.

– Ну-ка, тормозни. Прижмись к забору, – сказал пассажир. Водитель, повернув руль направо, надавил на тормоз, машина остановилась у забора.

– Ссыкануть попробую, – пассажир открутил пробку достал член и стал крехтя мочиться в бутылку.

-Выйди да поссы спокойно. Что х...й страдаешь.

Пассажир не ответил. Закончив, он закрутил пробку на место. Бутылка всё ещё оставалась неполной. Он взболтал её.

-Да выкинь ты её. Чё ты её нянчишь.

-Зачем добру пропадать. Поехали. Сейчас в дело пустим.

-Не понял.

-Сейчас, сейчас.

Машина тронулась.

-Видишь алконафты сидят, – сказал пассажир.

-Они всегда здесь. В тот раз больше было. С Митей были. Остановились трактор пропустить. Ханыга тут как тут лезит в окно: «Браток, добавь на опохмел, помираю». Митя орёт: «Пошёл на х.. чёрт вонючий. Нашёл, блин, корешей».

– Да, они такие. Тормозни.

Машина подъезжала к бревну. Первым её со своего места увидел Толик. Потом обернулся Лупень. Медленно двигаясь, машина выехала из-за спин компании и её увидели все. В этот момент пассажир открыл дверцу.

– Эй, синяки, лови. Палёнка. Отравитесь. Я предупредил, – говоря это, он лёгким движением от себя, опуская руку к земле, пустил бутылку по траве к бревну. Стараясь, чтобы она не упала на щебёнку. Сделав это, пассажир захлопнул дверцу. Водитель газанул.

-Ха-ха,ты их угостил. Пусть пьют черти. Обрато поедим, спросим: «Ну как понравилось?»

-Конечно, понравится. Ещё попросят. Ха-ха.

-Ха-ха.

Бутылка, немного покотившись, быстро остановилась. Все смотрели на неё. До бревна оставалась несколько метров, бутылка замерла. На бревне повисла тишина. Чеснок переглянулся с Пятаком, Толик посмотрел на Николаича.

-Давай ты, – Чеснок посмотрел на Лупня.

– Эх, конечно я, – Лупень не спеша сделал два шага. Поднял бутылку и вернулся на бревно. Открутил пробку. Понюхал водку, пожал плечами.

-Ну? – Сидор толкнул его ногой.

-Х.. знает, – Лупень посмотрел на Чеснока. Тот молча протянул руку взял бутылку, понюхал. Передал понюхать Сидору.

-Плесни. Я е...у да скажу. Х... её нюхать. Пробывать надо, – проявил инициативу Пятак.

-Давай. Дай ему стакан, – решил Чеснок. Николаич

немного наклонился, достал из-за бревна стакан, протянул Пятаку. Тот протянул руку на встречу, взял стакан. Поднёс для налития. Сидор налил почти полстакана.

-Ну, дай бог не последняя, – Пятак в два глотка опорожнил стакан. Выдохнул. Посмаковал губами. Толик передал бутылку с водой. Пятак запил.

-Ну, палёнка, конечно. Ну не х.., не такое пили, – сказал он.

-Мне плесни. Голова трещит п....ц, – сказала Надя. Сидор налил полстакана. Пятак протянул стакан. Надя взяла и выпила залпом.

-Выдохни сначала, – Лупень махнул рукой.

-Не учи меня е...а, – Надя отдала стакан Сидору.

-Кто следующий? – Сидор налил полстакана и посмотрел на Чеснока.

-Надюха, как поило? – спросил Чеснок.

-Палёнка, ну вроде не чё.

-После нитхинола конечно по х..– сказал Сидор.

-А ты не пил? – ответил чеснок.

-Не разу.

-Б...ь,о....ь скажи ещё тройной не пил.

-Пил и огуречный пил, пва пил, нитхинол на пил.

Вдруг Николаич дёрнулся к Сидору и быстро проговорил:

-Покажи бутылку.

-Что понтуешься, тебе тоже будет, – сказал Чеснок. Сидор за горлышко протянул бутылку к лицу Николаича. Тот пристально взгляделся в неё. Покачал головой, вернулся на своё место.

-Кому? – Сидор снова налил полстакана.

-Давай, – взял и выпил Чеснок, – что-то вкус странный, – сказал он.

-На, – Сидор налил и протянул стакан Лупню.

-О з.....ь. – Лупень выпил и довольно заулыбался.

– Этому наливать? – Сидор кивнул на Опойку.

– Потом, сначала Саня е....т, – сказал Чеснок. Николаич отрицательно замотал головой. Толик беспокойно завертел головой глядя то на Николаича, то на бутылку, то на Чеснока.

Сидор уже налил порцию и протянул Николаичу.

– Е...и Саня,не задерживай тару, – сказал он.

– Не буду.

– Почему? Ты же хотел, – ехидно сказал Чеснок.

– Бутылка уже открытая была...

– Не х..Сейчас снег пойдёт, – нарочито громко перебил Николаича Лупень, – Саня не пьёт.

– Николаич, брезгуешь? И давно это у тебя, с утра такой? Новую жизнь начал с утра? А х.... пришёл тогда? – спросила Надя.

– Саня пей, пока есть, – добавил Пятак.

– Да чё вы его уговариваете в натуре. Понтуется тут сидит. Сами выпьем, – сказал Лупень.

– В натуре. Сейчас кто-то по хлебалу получит, – Николаич медленно встал, одновременно поворачиваясь в сторону Лупня, – Ты х... так заговорил? Нахватался слов? Наблатыкался? Вставай, – Николаич прямо смотрел Лупню в глаза.

– Тут все пьют. Я чё говорю. Чё тут сидеть, если не пить. – Лупень отвёл взгляд, не вставая.

– Тебя б...ь забыл спросить.

– Хватит базарить. Толик будишь? – сказал Чеснок. Толик покосился на Николаича. Тот садясь на место, не поворачивая головы сказал:

– Пей, чё ты смотришь.

– Пей, чё ты смотришь.

Тут неожиданно стал действовать Опойка. Он повернулся боком к бревну и схватился за руку Сидора со стаканом. Второй рукой Опойка стал забирать стакан у Сидора, но сил не было, только водка стала плескаться в стакане.

– Да на, на. Не плескай, – Сидор поднёс стакан к губам Опойки. Тот, взявшись обеими руками за руку со стаканом, начал пить. Сидор наклонил стакан. Опойка, не допив, поперхнулся и закашлял.

– Ты чё, не пошла? – спросил Сидор. Опойка, треся головой, тёр замусленным рукавом телогрейки по губам. Повернулся обратно спиной к бревну:

– Что, Витёк, залупа? – спросил Чеснок.

– Не наливайте ему! Что, не видите? Ему уже п...а, – сказала Надя.

– Ты опоздала на двадцать лет. Его лтпуха не остановила.

– Сейчас уже п....ц, – ответил Чеснок.

– Не наливайте, где он возьмёт без вас? За средней он уже не пойдёт, – твердила Надя.

Сидор долил порцию и, уж было, протянул Толику, но тут заговорил Пятак:

– О, Александр Владимирович коня педального давит. Давай ему нальём. Костян, помнишь у Мани он себя копытом

в грудь бил? «Я, говорит, разбираюсь в спиртных напитках, меня не обманешь!» – Пятак посмотрел на Чеснока.

– Зачем? Мало осталось, – сказал Лупень.

По мосту на велосипеде ехал мужик в очках, чисто одетый в летние брюки и клетчатую рубашку. Возрастом за сорок. На голове кепка. Он был собран и серьёзен.

– Артист недоделанный. Вчера, говорит, мы пили, я был Саня, а на работе я для вас Александр Владимирович, – усмехнулся Сидор.

– Дай ему. Пусть скажет на свежую голову. Что-то вкус мне не понравился, – сказал Чеснок. Толик съехал с пенька и угрюмо смотрел на траву. Мужик съехал с моста, направляя велосипед направо. На бревно он не смотрел.

– Добрый день, Александр Владимирович. Помогите нам. Нам нужно твоё мнение, – крикнул Пятак без иронии. Мужик повернул велик и подъехал к бревну, остановился.

– Нам тут выпивку подкинули. Вот думаем, сразу крякнем или потом, – продолжил Пятак.

– Добрый день, – сказал мужик, не смотря ни на кого, – Вы

уже пили или хотите сначала меня угостить? – усмехнулся он, ставя велик на подножку.

– Пили, – Сидор показал бутылку, – Александр, по-человечьи прошу, попробуй и выплунь. Закусило нас, что мы пьём, – голос тоже без иронии. Сидор протянул стакан.

– Александр Владимирович, как дела у Сергея Васильевича? У Натальи Петровны? Всё хорошо? По-людски интересно. Чай не один год, отработала, – сказала Надя.

– Спасибо, всё хорошо, – Александр взял стакан и недоверчиво посмотрел на обитателей бревна. Он понюхал водку.

– Не надо быть специалистом, чтобы сказать, что это низкокачественная водка, – снова усмехнулся он, – и вообще если пить в таких условиях без элементарной закуски, не

всё ли равно, что пить. К тому же, вы всё равно это допьёте, вне зависимости от того, что я скажу.

Сидор и Чеснок угрюмо смотрели на него. Николаич чуть усмехнулся. Пятак готов был засмеяться, но ладонями вытер лицо и подавил смех.

– Владимирыч, делай что-нибудь, – взвизгнула Надя.

– Зачем я это делаю, – Александр опять усмехнулся. Отпил из стакана. Побулькал во рту и выплюнул в сторону, – Нда, – произнёс он.

– Ну, как? Кто-то п...л есть спирт от него все мрут, а на запах обычный спирт. -сказал Чеснок.

– Это метанол. Где вы это взяли? – Александр посерьёз-
нел.

– Из машины кинули. Было отпито. Сказали, не понравилось. – ответил Сидор.

– Сколько?

– Чего?

– Отпито сколько? – сердито сказал Александр.

– Ну, стакан.

– Если этот человек отпил вечером и ехал сегод...

– Их два было, – перебил Лупень.

- Тем лучше, – резко сказал Александр, – будь это метанол это была бы их последняя ночь в жизни. Интоксикация организма происходит в течении нескольких часов.

– Что-что происходит? – Надя вытянула голову к Александру.

– Так что не переживайте. Можете допивать.

– Что происходит? – быстро повторила Надя, голосом на полтона ниже.

– Отравление, – ответил Николаич.

– Это обычный гидролизный спирт. Плохо очищенный, конечно. Хотя знаете, что я скажу, интересное послевкусие – Александр снова усмехнулся, – странное какое-то, – он хмыкнул, перебирая губами и языком.

– Как-как он сказал? – Пятак завертел головой.

– Послевкусие. Запоминай слово, – сказал Николаич.

– До свидания .Надо ехать, меня ждут, – Александр протянул не допитый стакан Сидору, убрал подножку, сел, крутанул педали.

– Счастливо, – сказал Чеснок.

– Чеши отсюда, умник сраный, – пробормотал Сидор, когда велосипед отъехал по улице. Он снова булькнул, что было полстакана водки.

– Б.... ты чё на. Ребята подошли. Сука нас все знают. Е...ь, вас в рот, мразота, -забормотал Опойка, – у меня был авторитет. Меня в Усть-Илиме все уважали. Меня коллектив уважал. Я п....ть не буду, – взвизгнул Опойка. Кто-то засмеялся. Сидор выпил и снова налил, молча протянул Толику.

– Не буду, – буркнул тот.

– О, ещё один, – засмеялся Лупень.

– Пей Толик, не бойся, мама не узнает, – сказал Чеснок с издёвкой.

– Пей, Толя. Ты уже взрослый. Знаешь, что хочешь? – добавил Сидор.

– Что пристали!? Больше пить не кому? – без улыбки сказал Николаич.

– А ты не лезь. Не тебе предлагаю, – злобно сказал Чеснок. Все притихли.

– Ну чё, чё ты смотришь? – Николаич спокойно смотрел в глаза Чесноку, – Вон пусть он за нас выпьет. Ему всё время мало, – Николаич кивнул на Лупня.

– Я не понял, ты чё боишься палёнку пить? Раньше не боялся, – ехидно сказал Лупень.

– А тебе и не надо не х.. понимать, – махнул на него рукой Николаич.

– Мне налей. Заебись пошла, – сказала Надя.

Сидор протянул стакан ей. Она выпила и закурила сигарету. Водку быстро допили. Бутылку выкинули в траву за бревном. Закурили. Повеселели. Начался бессмысленный разговор, когда никто никого не слушает. Вода в полторашке тоже закончилась.

– Давай, Толик, – сказал Чеснок.

– Я уже ходил один раз.

– Ты сам, тебя никто не просил, а сейчас я тебя прошу.

– Потом меня ещё кто-нибудь попросит.

– Ну, а ты как хотел. Ты самый молодой.

– Ходил раз, ну и что. Какая разница? Ещё иди, – сказал Лупень.

– Большая разница. Один е..т, другой дразнится, – злобно сказал Николаич.

– Я схожу, – сказал Пятак, взял полторашку и пошёл. Слева по береговой тропинке к мосту быстрым шагом подошла женщина, лет тридцати, в джинсах и футболке. Она не смотрела на бревно и зашла на мост.

– О, Ленка. На п.....ок побежала, – сказала Надя.

– К кому, к кому на п.....ок? – оживился Лупень.

– А не скажу.

– Ну, скажи, жалко что ли.

– Тебе не один х...

– Если сама бегают, значит, хорошо е..т, – размышлял вслух Лупень.

– Не драчись. Сроду не догадаешься, – Сказала Надя. Вернулся Пятак с водой. На том берегу на мост въехал жёлтый запорожец. После моста поехал по правой дороге мимо барakov.

– Доктор, доктор у меня запор!

– Ну и что ты орёшь, запорожец это хорошая машина, – засмеялся Лупень.

– Кого несёт, блин, – пробормотал Николаич. Справа по берегу подошёл мужик. Среднего роста. Полноватый, круглое лицо, полные губы. Лицо было вспотевшее. Один

рукав рубахи закатан до локтя, другой нет, на запястье не застёгнута пуговица. Из кармана штанов торчит бутылка. Мужик улыбался.

– Здравова, мужики, – он подошёл к бревну, протянул вспотевшую ладонь. Толик пожал ему руку. Остальные нет. Только поздоровались. Мужик достал из штанов бутылку. Там было меньше половины мутного самогона.

– Мужики, выпьем. Баба деньги отобрала, коза дранная. Вот заначка была, – он смотрел на Чеснока. Тот равнодушно смотрел в сторону.

– Выпьем, Сергей, – продолжал мужик, обратившись к Сидору.

– Ну, пей кто тебе не даёт.

– Кто со мной? Где стакан? – у мужика был вид, как у человека, у которого хорошее настроение и он пытается поделиться им с остальными.

– Из горла давай, там не много, – усмехнулся Чеснок.

– Что-то вы знаться не хотите, – улыбка исчезла с лица мужика, – Гордые стали?

– Кто бы говорил про гордость, – сказал Николаич.

– Саня... – дёрнулся мужик и замолчал. Николаич упёрся в него взглядом, – Ну, вижу мне тут не рады, выпью и пойду. Есть зажевать?

– Есть, -сказал Чеснок.

-Что? -недоверчиво спросил Мужик.

-Творог. Будешь? – сказал Чеснок.

-Где? Очень смешно, – усмехнулся мужик.

– Будешь или нет?

-Да где?

-Будешь?

– Ну буду.

– Подзалупный творожок. Пей, я достану.– Мужик кинулся на Чеснока, но не успел. При желании мог бы успеть. Сидор и Николаич встали между ними.

-Потом поговорим, – злобно пообещал мужик и пошёл на мост.

-Обязательно, – усмехнулся Чеснок.

-Не исправим, – Сидор смотрел на мужика – Взял бутылку, вылакал половину. Сюда лезет. Х... ты сюда лезешь, пей один, где начал.

– Иваныч, Иваныч идёт, – быстро проговорил Пятак. Все посмотрели на берег. Толику пришлось обернуться. Справа по берегу шёл мужик одетый в старый рабочий

костюм, состоящий из штанов и летней куртки, синего цвета. На голове старая, рваная с боку фуражка. Это был человек возрастом за сорок лет, с характерным цветом лица, свойственным сильно пьющим людям. Тонкие красные ниточки капелляров проступали по сморщенным худым щёкам. Скомканные волосы, торчащие из-под фуражки, и не

подстриженные усы. Мужика мало волновал внешний вид. За правое ухо у него был помещён простой карандаш. В левой руке он нёс разноску с инструментами. В пальцах

правой руки не докуренная погасшая самокрутка. Выйдя на перекрёсток, мужик сразу почувствовал жадные взгляды постояльцев бревна. Не меняясь в лице, он сделал несколько шагов и остановился. К нему уже шли впереди Чеснок и Сидор. За ними Пятак и Лупень, и Надя. Толик и Николаич не спеша встали и шли последними. Опойка клевал

носом, оставаясь на месте:

-Иваныч, здорова,покурим, – Чеснок протянул руку. Ива-

ныч поставил разноску на землю и стал здороваться.

-Иваныч, доставай свой горлодёр, – продолжал Чеснок.

-Иваныч, мужик, угости табачком. Дай, я тебя поцелую, – Надя сделала попытку закинуть руки ему за шею. Иваныч перехватил их и немного попятился назад.

– Эх ты, Иваныч. Бабу обижаешь, – Надя дёрнулась и пошла на бревно. Николаич подхватил её под локоть, что-то сказал на ухо. Она пошла с ним назад.

– Дайте б...ь кисет достану, – Иваныч достал из бокового кармана куртки тряпочный кисет, затянутый шнурком. Развязал его. Из того же кармана достал свёрнутую в четверо газету и протянул её Чесноку. Газета пошла по рукам. От неё отрывали прямоугольные лоскуты для самокрутки. Чеснок скрутил самокрутку, «кожью ножку». Запустил руку в кисет и достал щепотку табака. Осторожно засыпал в самокрутку.

– Эй, – Чеснок посмотрел на Толика. Тот протянул коробок, который держал наготове. Чеснок сунул самокрутку в рот и чиркнул спичкой. Затянулся.

-Кхе,кхе, – тут же закашлялся он, – Иваныч ну и х...я. Ты чё туда насыпал?

Остальные тоже скрутили самокрутки. Кто-то закурил, кто-то оставил про запас.

-Труха б...ь.ТЬфу, – сплюнул Сидор, – Иваныч, ты что со спецом труху насыпал? Не ожидал я от тебя такой х...и.

– Ну ладно х...и.

– Это со дна корыта. Где табак. Я видел, – с видом знатока заявил Пятак.

– Кхы, – кашлянул Лупень, – крепкий сильно. На х.. одни листья рубишь, стебель добавляй.

-Х... ты понимаешь. В листьях как раз самый цинус, – сказал Чеснок, – А, это один стебель. Там мякина такая б...ь. Вроде ваты.

– Иваныч, с травкой больше нет табочку? С травкой? Как она называется? Ты говорил, я забыл.

– Конский щавель? – сказал Пятак.

-Ха-ха-ха, – раздался смех.

– Сам ты щавель, – сказал кто-то – это ромашка.

-Х...ка, – сказал Чеснок.

-Донник и Люцерна. Я из деревни привозил. Кончились больше нету, – сказал Иваныч.

– Значит, ещё сгоняй, х..и тебе, – сказал Лупень.

– Перебьёшься, – ответил Иваныч.

– Ссука, – еле слышно прошипел Лупень. Его лицо задёргалось.

– Ха-ха! Так его, – раздались одобрителные возгласы.

– Правильно, Иваныч, нашёл б...ь молодого. Сам ехай, – сказал Чеснок.

– На шабашку пошёл. У него будут сегодня деньги, – Сидор уставился в разноску. Все посмотрели туда. Там лежали гвозди, молоток, столярный топор, ручная ножовка, рубанок, плоскозубцы, складной столярный метр.

– Куда пошёл? – Чеснок упёрся взглядом в Иваныча. Тот

докуривал вновь прикуренный остаток самокрутки и смотрел вдоль берега.

– Куда? – настойчиво повторил Чеснок, – К Самойлихи? К Лугиным?

– К Метёлкиной, на крыльце три доски заменить. Работы на пару часов, – ответил Иваныч.

– Да там работы на весь день. Ты чё, оно гнилое на х..со-всем. Я же был у них, – воскликнул Сидор.

– Х...сы, козлы, б...ь. Меня в Братске все знали б...ь.

Раздался визг. Опойка напомнил о себе. Безуспешно, никто не обратил внимания. Он потарачился несколько секунд и снова клюнул носом. Отвисла челюсть, потянулась слюна.

– Сколько она тебе даст? – продолжал Чеснок.

– Картошки новой, капусты, марковки.

– Ааа, б...ь, Иваныч, ааа, сука. Ты, чё б...ь, себя уважаешь или нет? Это не справедливо них..я, – раздалась вопли со всех сторон.

– Иваныч на х...картошку. Деньги бери. Не х.. пашешь и пашешь на них и на тебе картохи, – сказал Чеснок.

– У неё нет денег. Пенсию не дают.

– У кого? У них? Да у них денег как говна. Зять – барыга на иномарке приезжает.

– Тойота, – добавил Лупень.

– Иваныч, ты х...й не занимайся. Деньги возьмёшь. Понял?

– Давай я с тобой схожу, – сказал Чеснок.

– Не надо. Она сказала, чтобы один приходил. В тот раз с Султаном пришли. Они чуть не передрались.

– Ну, ты нашёл с кем, туда идти. Я другой разговор.

– Он датый за мной увязался. Говорил, что с ней всё уладит.

– Б...ь, Иваныч. Бери деньги. Не будь ишаком.

– Идти надо. Время уже, – Иваныч посмотрел на солнце.

Взял разноску и пошёл по берегу. Компания потянулась к бревну. Лупень пошёл за бревно. Подошёл к траве и остановился.

– Ты чё делаешь? -спросил Чеснок, не оборачиваясь.

– Чеснок, ты, блин, у тебя глаз на затылке. На клапан даванула.

Чеснок слегка изменился в лице от того, что Лупень назвал его Чесноком, а не по имени.

– Лупень, отойди дальше, не ссы тут, – громко сказал он.

– Правда чё ты? Срач тут устраивать, – добавил Сидор.

Лупень покривился, повернув голову. Николаич развернулся на пол оборота и посмотрел на него. Оба смотрели друг на друга с нескрываемой злобой. Чеснок быстро покосился на Николаича. Лупень пошёл вперёд, разгребая траву руками. Он подошёл к остову сгоревшего дома. Стал растёгивать штаны. Послышались голоса. Кто-то шёл по улице в его направлении. Лупень прислушался. Раздался негромкий смех девушки и приглушённый голос парня. Лупень понял, кто это. Он застегнул штаны на одну пуговицу. Подошёл к углу. Прислонился рукой к стене, немного согнулся. Изоб-

разил на лице страдания. Сунул правую руку в трусы, стал теревить член, что бы тот налился кровью. Лево́й руко́й, взяв угол рубахи, прикрыл им ширинку и упёрся руко́й в чёрную от гари стену. Двое подошли совсем близко.

– Ранний Достоевский – это Гоголь. Повесть «Бедные люди», «Неточка Незванова». Тема маленького человека, – говорил парень.

– Да я знаю, я писала сочинение, – ответила девушка.

– Это после каторги Достоевский стал Достоевским. Экзистенциальный ужас в романах Достоевского. Жаль Белинский не дожил, – усмехнулся парень.

– Достоевский, х.....ий – злобно пробормотал Лупень.

Говорившие люди вышли из-за угла и увидели его. Это был Юра, которого утром встретил Толик, и девушка. Юра переоделся в чёрные джинсы и белую, выглаженную летнюю рубаху. Он аккуратно причесался. На ногах чёрные кожаные туфли, начищенные кремом. Он шёл по правой стороне дороги и оказался ближе к Лупню, чем его спутница, которая держала его под руку и шла слева от него. Она была на полголовы ниже парня, примерно того же возраста. Одета в зелёный брючный костюм. Тёмные волосы аккуратно расчёса-

ны, они ложились на плечи.

– Помоги мне, – простонал Лупень, сделав страдальческое лицо.

– Да-да, что с вами? С тобой, то есть? – парень поспешно шагнул к Лупню, освобождая левую руку от девушки. Лупень неожиданно быстро выпрямился и тоже шагнул на встречу, парень замер. Их разделяла трава и несколько штакетов от забора валявшихся на земле, которые обросла трава.

– Держи, – задорно крикнул Лупень.

– Что?? – растерянно воскликнул Юра.

– Х.. поддержи. Помоги поссать, – Лупень мгновенно достал член, оборвав пуговицу на ширинке. Струя мочи устремилась на парня. Член был в полувозбуждённом состоянии. Лупень за...ил его, сам изгибаясь назад, дёргаясь тазом, чтобы струя ушла, как можно дальше. Как только Лупень стал действовать, парень инстинктивно дёрнулся назад влево, потому что струя чуть не задела его с правой стороны. Плечом он задел девушку. Она успела шагнуть вперёд. Парень, двигаясь задом, запнулся и чуть не упал. Девушка спасла его, ухватив за шиворот. Парень поспешно выпрямился.

– Гы-гы-гы, – заливался Лупень, дёргаясь тазом влево, вправо, посылая струю веером.

– Что ты делаешь, кретин, – закричал парень, тонким голосом, перебегая взглядом от струи к Лупню.

Пиковый момент ситуации был пройден. Напор струи быстро слабел.

– Эх, не достал... – сказал Лупень, ещё пару раз дёрнувшись.

– Я тебя сейчас...сейчас ты получишь, – парень смешно замахал руками, сжав кулаки.

– Юрок, не обижайся, будь проще, – Лупень стряхивал член.

– Света маме привет передавай от Демьяна. Он тут проходил. Гы-Гы-гы, – Лупень глумливо засмеялся, посмотрев на девушку, которая стояла бледная, как мел, и не могла совладать с дёргавшимися губами.

– Пойдём, Юра, – девушка схватила парня под руку и потащила прочь.

– Я это так не оставлю... – пообещал парень Лупню. Тот не среагировал.

– Скоты, быдло, – бормотал парень чуть слышно. Они подошли к мосту.

– Нет, ты посмотри, в каком они находятся положении и как они себя ведут на этом фоне.

– Не ной, хватит, – прошипела девушка.

– Напьются и красуются друг перед другом, а сами уже на людей не похожи. Они же уже не люди. Они скоты. Нет, они хуже. Они плесень. Они говорящая плесень. Ха-ха, – парень наиграно засмеялся своей шутке, косясь на девушку. Она, сжав губы смотрела на воду.

Лупень вернулся на бревно.

– Прилетит тебе когда-нибудь по башке за шуточки, – сказал Чеснок.

– А нам хоть е...ь подтаскивать, хоть о.....ых оттаскивать, – ответил Лупень, садясь на своё место и криво улыбаясь.

– О, дед Сараскин идёт. Давай возьмём нюхательного табака, – сказал Пятак.

Слева по берегу шёл немного сгорбившийся старик с палочкой. В старом черном костюме и брюках, и кепке.

– Дед, дай табачку понюхать, – крикнул Пятак.

Дед не ответил.

– Дедушка...

– Х.. вам, а не хлебушка, – сказал старик и беззвучно засмеялся.

На бревне немного рассмеялись. Со стороны барачных на мост быстро проехал белый «Опель».

– Опять кого-то е...ь погнал, – сказала Надя.

– Ну, если дают, – сказал Лупень.

– Значит, вёл себя так, что б дали. Мразь бессовестная... жену друга, дочь родственников жены. Не капли совести, – сказала Надя.

– Он и у своего родственника подругу трахнул в тот раз. У Николая. Николаю за сорок. Он где то с вокзала привёз лет двадцати ханыжку. Тут родственничек заявился... раз-другой. Собрались, куда-то ехать. Пока Николай возился в гараже. Пошёл домой, дверь закрыта. Тарабанил, тарабанил. Этот выходит, штаны застёгивает, улыбается. Николай орёт: «е...сь, е...сь, сволочи!»

„-Николай ты бы всё равно разрешил,,,-Вот когда бы разрешил ,тогда бы и е...сь,,– Какая тут на х.. совесть.

– Слово совесть придумали неудачники, чтобы оправдать свою неудачливость, что ты такой неудачник. А мне совесть не позволяет людей обманываааать. Успешному человеку совесть не нужна, – усмехнулся Николаич.

На эту сторону по мосту шёл мужик в брюках, рубашке и начищенных туфлях. Пройдя мост, он повернул налево, и пошел по берегу.

– Добрый день, Павел Сергееч, – крикнула Надя.

– Ну и х..и в нём доброго, – буркнул мужик, не поворачивая головы.

В посёлке проснулся молодой человек, возрастом не старше двадцати лет. Он уже давно скомкал ногами грязное одеяло, и назойливые мухи с раннего утра мешали ему

спать, ползая по телу. На нём были только трусы. Одна комната с кирпичной печкой, делившей её на две неравные половины, составляла его жильё. Он открыл глаза и некоторое время смотрел в стену с отлуплявшейся частями штукатуркой. В трещину, начинавшуюся где-то под кроватью и уходящую вверх стены, были воткнуты смятые окурки. Парень подцепил пальцами окурков. Повернулся на другой бок и сел на кровати. Расправил окурков. Вставил ногу в тапок. Второго не увидел. В комнате валялись вещи, рваные газеты. Перед кроватью на боку валялась бутылка, которая выполняла роль пепельницы. Не все окурки попали туда, на полу тоже находилось достаточное количество.

Справа от парня было окно и стол перед ним. На столе бардак: несколько пустых бутылок, грязные тарелки, стаканы, кастрюля, вилки, ложки; остатки пищи, хлебные

огрызки, не доеденные огурцы, зелёный лук, откушенная на половину редиска. Комнатные мухи сидели на стенах, лазили по столу. В правом углу на подставке стоял не большой черно-белый телевизор. Слева от кровати находилась раковина с грязным не мытым краном, с облупленной эмалью.

Справа в углу, напротив, стоял шкаф для одежды.

Парень вставил окурок в рот, одновременно ища глазами спички. Коробок валялся на столе между алюминиевой кружкой и огурцовым огрызком. Парень подошёл к столу, взял коробок и увидел на левом углу стола раскрытую пачку сигарет, почти прикрытую газетой. Он взял её, без всякой надежды, что там есть сигареты. О чудо! Целых две сигареты лежали на дне пачки. Это были дешёвые сигареты без фильтра. Парень выплюнул окурок. Вытряхнул сигарету. Отправил её в рот. Чиркнул спичкой, закурил, выпуская струю дыма. Он уже знал, какое следующее дело нужно сделать. Бросив коробок на стол, парень пошёл к печке. По пути он пнул пустую бутылку. Прошёл в туалет. Унитаз забит нечистотами. В говне завелись опарыши.

– Большие какие. Надо тросик взять у Антипыча, – пробормотал парень. Про тросик он думал каждое утро уже несколько недель, всё время откладывая это дело на потом.

Парень, упёршись рукой в стену, другой рукой достал член из трусов и стал мочиться в унитаз, стараясь сбить струёй опарышей с говна. С одними это получилось, другие уцепились и удержались, некоторые уже карабкались назад.

– Козлы, – усмехнулся парень.

Он перекинул сигарету в уголок рта. События прошлого вечера кусками всплывали в его памяти. Пьянка, начавшаяся днём на речке. Девушка, которая пила, намекала, что даст, хихикала и не дала. Стычка с парнем, которую остановили собутыльники. Вечером поход в гости, потом за самогоном. Попытка напроситься в гости к женщине, чей муж уехал в командировку. Она не пустила и вот сейчас, держа двумя пальцами ч..н, он чувствовал, что возбуждается и возбуждение не пройдёт, пока он не получит секс. Слишком долго у него не было женщины. Закончив, он сел на табуретку, докурил сигарету, отправил бычок в ведро. Оттянув резинку, он смотрел на член, тот медленно, но неудержимо вставал.

– Вздрочнуть? – у парня мелькнула мысль. Тут же он отогнал её от себя. Он считал это неприемлемым для себя. Нужно было что-то делать. Стояк не пройдёт сам по себе.

– Надо бабу найти, – решил парень.

Была тишина, только где-то за окном кто-то бубнил. В этот момент муха, снижаясь и сделав полукруг в воздухе, села на з...пу. Парень не двигался. Муха забегала по з...пе туда-сюда, постоянно меняя траекторию движения. Это окончательно возбудило парня. Он ощущал приятную щекотку от лапок насекомого. Дальше терпеть было нельзя, парень стал

действовать. Он встал, подошёл к раковине. Открыл воду, полилась холодная. Умыл лицо, намылил подбородок, чтобы сбрить трёхдневную щетину. Отсутствие горячей воды его не смущало. Тут же лежал станок с лезвием. Парень стал быстро скоблить щетину, поставив перед собой не большое зеркало. Лезвие было несколько тупое, но выбора не было. Он умылся, снова намылил подбородок. Открутил станок, смыл щетину с лезвия. Снова вставил в станок и стал скоблить лицо. Опять умылся. Взял зеркало, подошёл к окну. Повертел головой, смотря результат бритья, нашёл его достаточно удовлетворительным.

Парень быстро прошёл к шкафу, открыл дверцу. С верхней полки достал аккуратно сложенные чистые синие спортивные штаны и белую футболку. Быстро надел. В тамбуре обул кроссовки и вышел на площадку, захлопнув дверь. Ключом он давно не пользовался. Парень пошёл на лестницу. Перескакивая через ступеньку, он быстро оказался на втором этаже. На площадке перед ним было три двери, оббитые дермантином для утепления. Он направился к левой двери, открытой настежь.

– Дома значит, ну з...ок, – решил парень.

Дверной проём был занавешен тюлью от мух и комаров. Подойдя к двери, он остановился на несколько секунд и по-

стучал костяшкой указательного пальца левой руки во внутреннюю сторону двери, не оббитую дерматином. Он стукнул два раза, стараясь сделать это громко. Не дожидаясь ответа, парень отодвинул тюль и вошёл в комнату. Это была кухня с печкой. Слева диван и кот на нём. Прямо – другая комната. Оттуда вышла девушка примерно двадцати пяти лет, одетая в синие джинсы и цветную футболку. Выходя, она втыкала в волосы заколку, другая заколка была в губах, и сквозь губы она произнесла, когда выходила:

– Кто?

– Я! Кто ж ещё? Привет, Танюха.

– А ты! Привет, Лёха, – девушка втыкала в волосы заколку, которая мешала ей говорить. В это время она проходила мимо парня в другую комнату, не смотря на него. Вход в комнату был слева по отношению к Лёхе. Он быстро вытянул руки, чтобы обнять её за талию, одновременно говор:

– Таня, выручай! Стоит хоть ломай, – но девушка резко дёрнулась в сторону и избежала его рук.

– Что-то ты сегодня неприветливая, – голос парня звучал вопросительно, в нём сквозило удивление и недовольство.

– Что хотел, говори быстро.

– Я сказал, х.. стоит хоть ломай, ну, ты будь другом. Что ты, в самом деле? – голос парня был похотливым.

– Лёха, иди в другое место, ко мне друг приехал, – девушка вошла в комнату и тут же вышла, держа в руках губную помаду.

– Кто такой? Я его знаю, – Лёха сел на диван, справа от кота. Раскинул ноги и откинулся назад.

– Нет.

– Познакомь.

– Сейчас познакомишься, – девушка сказала это с нескрываемой угрозой, – он в магазин пошёл за сигаретами, уже должен вернуться.

– Он что из города без тачки?

– Лёха иди в другое место. Ты же видишь, я не ломаюсь. Он третий раз уже ко мне приезжает, – девушка сказала это спокойно и серьёзно.

– Третий? Не х... Почему я ничего не знаю?

– Я не обязана тебе докладывать.

– Ну, посмотрим, кто тут ходит, – Лёха демонстративно запустил руку в трусы, раздвинул ноги и стал почёсывать яйца. Всё его существо демонстрировало вызов.

– Я предупредила, – девушка сказала это из комнаты, находящейся на против входной двери.

Лёха хотел что-то было сказать, но слышались приближающиеся шаги. Тюль отодвинулся, и человек вошёл в комнату. Он зачем-то прикрыл за собой дверь. Это был мужик около тридцати лет. Выше Лёхи на голову. Одетый в спортивные штаны и чёрную футболку, на ногах кроссовки. Рельефные бицепсы и пресс на животе, проявлявшийся через футболку, говорили сами за себя. Даже не взглянув на Лёху, вошедший всё понял.

– Таня это что за х...ня? – он сказал это громко, делая ударение на слове х...я и слегка махнув рукой в сторону Лёхи.

Лёха мгновенно вскочил с дивана. И в следующую секунду, в следующей секунду он не ударил оппонента, а хотел ударить. Не смог и в следующее мгновение, тем более, не

смог. Сразу надо бить. Лёха это понимал и понимал, что противник тоже это понимает. Он всё это осознавал на уровне животного инстинкта. Лёха не ударил и чувствовал себя как в детстве, когда собирался прыгать с крыши второго этажа в сугроб. Всё было кончено.

– Считаю до нуля. Три... – мужик правым кулаком стал стучать

в ладонь левой руки, – два.

Лёха, уже широко шагая, подходил к двери. Его передёргивало от злости. Мысли прыгали в голове. Открывая дверь и отодвигая тюль, у него неожиданно мелькнула мысль по сильнее хлопнуть дверью, но тут же подленький страх сделал своё дело, выдав вопрос «А вдруг догонит?». Хотел хлопнуть и испугался. Осознавая это, Лёха вышел в коридор, оставив дверь открытой.

– Зассал, сука, – Лёха пришёл в окончательное бешенство.

В глазах потемнело. Ничего не думая и не замечая, не чувствуя пола, будто парил по воздуху, он слетел с лестницы вниз. На встречу шла белая кошка. Лёха знал кошку

и её хозяев. Они жили на втором этаже. Не раз вместе пи-

ли. Лёха как раз сделал шаг и уже наступил на правую ногу, но остановился. Замахнулся ногой для пинка, стоя на правой ноге. Тут же переступил на левую ногу, потому что левой было не удобно пнуть кошку в живот. Она подошла. С размаху правой ногой он пнул её. Размах был небольшой, но злоба которая клокотала в нём, сделала своё дело. Кошка отлетела к стене, издав вопль страдания. Ударилась, вскочила на ноги и, низко пригибаясь, побежала прочь. Лёха этого не видел. Он вышел на улицу. Солнце приятно бросилось в лицо. Пнув кошку, Лёха испытал некоторое удовлетворение. Он прошёл по дорожке мимо скамеек. Открыл низкую калитку и вышел на дорогу. Цели, куда идти, у него не было. Лёха просто повернул налево и пошёл вдоль невысокого забора из штакетника. Он не думал о чём-то одном.

-Пойти к Партизану? Далеко. Танька сучка. Подожди тварь, запихаю х.. в глотку. В город поехать. Б...ь пятаков совсем нет.

Слева к нему подвернул мужик со спитым лицом. С бельмом на глазу. Сгорбившийся. От него несло перегаром. На плече две удочки из ивы.

- Здорово, Лёха. А я к тебе за опарышем. Наберу опарыша?

Ты говорил у тебя ох....ый опарыш.

– Набери, – машинально ответил Лёха, не обращая внимания на мужика.

– Тимоха сказал на затяжной лещ пошёл на опарыша. Вчера таскал один за одним. Я туда. Пойдём со мной.

– От....сь, – пробормотал Лёха.

Мужик понял, что Лёха не в духе и пошёл дальше. Лёха пошёл по улице, вяло размышляя. Так он шёл, пока не увидел, что на встречу идёт пенсионерка с двумя пакетами. Они подошли к друг другу.

– Матвеевна, дай на бутылку. Я отработаю, когда я тебя обманывал?

– Ой, Лёшенька не обманывал. Мне вот сарай надо разобрать. Помог бы кто, - женщина ещё издалека поняла, что Лёха очень злой на что-то и сейчас она беспокойно бегала глазами по его лицу.

– Разберём Матвеевна. Дай на бутылку.

– Когда Лёша?

– В четверг или пятницу. Сегодня никак и завтра тоже, – Лёха всегда старался не давать обещания на завтра. Только через несколько дней, – занят.

– А чем занят?

– К Партизану иду. Что-то звал помочь.

– Помочь, а на бутылку просишь.

– С бутылкой веселей. Матвеевна, дай денег.

– Я с магазина, Лёша. Вот сдача осталась, – пенсионерка в самом начале разговора поставила сумки на дорогу. В руках у неё откуда-то появился кошелёк. Она открыла его и достала несколько купюр.

Лёха протянул руку и взял купюры из пальцев женщины.

Посмотрел на них.

– Всё что ли? Матвеевна на бутылку даже не хватит. Добавь кропаль.

– Ой, Лёша, как же так не хватает. На бутылочку самогоночки должно хватить. Больше нет и дома нет. На книжке деньги у дочери.

Лёхи захотелось что-нибудь съязвить на счёт денег на книжке, но он сдержался.

– Ладно, Матвеевна. Спасибо. Ты дома будешь? Я приду, – Лёха сунул деньги в карман. Их чуть-чуть не хватало на бутылку. «Ну, хоть что-то есть», – подумал Лёха.

– Дома, Лёша, дома.

– Может, сумки донести? – Лёха сказал это неуверенно.

– Нет, Лёша, я уже пришла.

– Ну да, – Лёха только сейчас обратил внимание, что они стоят недалеко от калитки Матвеевны.

– До свидания, Матвеевна, – Лёха, не оборачиваясь, пошёл дальше, постепенно очутившись на середине дороги.

Он ещё не совсем отошёл от стычки у Татьяны и не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Мотоцикл, который догнал его, он не слышал. Только, когда двигатель

затарахтел совсем за спиной, Лёха встрепенулся.

– Сука, и не сигналит, урод. Антон? Ра...у на х... – Лёха резко повернулся. На него накатывался мотоцикл, постепенно останавливающийся, до него было не более пяти метров. Мотоциклист повернул ключ зажигания, надавив педаль тормоза. Двигатель заглох. Мотоцикл подкатился к Лёхе и встал. Это был «Иж-Планета» без люльки с разбитой фарой и левым поворотником. Мотоциклистом был парень, одетый в старую куртку цвета униформы на голое тело. Он был в рваных на коленях джинсах, на ногах плетёные сандалии. Увидев его, Лёха обрадовался, растянувшись в улыбке. Это была удача. Он шагнул на встречу, немного взяв в бок, чтобы подойти к мотоциклу сбоку.левой рукой взялся за руль, правую протянул для приветствия.

– Привет, Руся.

– Привет, Лёха. Чё лыбишься?

– Поехали к Партизану.

– Зачем?

– Один х.. катаешься.

– Карбюратор отрегулировал. Вроде зашибок.

– Молодец. Ну, поехали.

– У меня бензина в обрез. Взял пол-литра у соседа. Так дойдёшь. Зачем тебе к Партизану?

– Бабу надо. У него по-любому кто-то есть. Рыжая или Светка.

– Поехали до моста, потом я назад.

– Ну хоть до моста, – Лёха не заставил себя уговаривать. Он сел на мотоцикл, -погнали, с ветерком, – сказал он.

Руся повернул ключ зажигания, дёрнул ногой кикстартер. Прибавил газа. Мотоцикл плавно покатился по дороге.

– А чё ты с первой страгиваешься, со второй начинай, – Лёха стал ногами по очереди отталкиваться от земли, как бы помогая мотоциклу набрать скорость.

– Лёха возьмишь себе моцик и будешь хоть задом наперёд гонять. И ноги подними, болтаешь мотоцикл.

Постепенно мотоцикл разогнался, поехали на третьей

скорости.

– О, вот это другой разговор. Ты не знаешь чё за ё...ь у Таньки?

– А?

– Таньку кто е..т? – Лёха придвинулся к Руси и кричал ему в ухо.

– Какую? – ответил тот, немного повернув голову.

– Ко.....у.

– Лёха, ты совсем. Рядом живёшь, меня спрашиваешь кто е...т. Это я у тебя должен спрашивать.

– Да я что за ней слежу. На х.. надо.

– А мне тем более на х.. надо. Вот кто соседку мою е...я тебе расскажу.

– Ольгу?

– Нет, Юльчика.

– Она уже тут? П.....а, до осени не будет.

– Вернулась. Бухали тут намедни третьего дня. Заморочки у неё там возникли. Работы много, денег мало. Хозяин постоянно трахаться заставляет.

– Да чё он её в ж...у е...л что ли. Да хоть и в ж...у. Могла бы потерпеть ради денег. Ха-ха. Ну и кто её е..т?

– Признайся ты её в.....л в тот раз.

-Не е... что мне отмазываться.

-Ты отмазывался, чтобы Серёга не узнал. Сейчас-то Серёге по х..., можешь признаться.

– Я сказал не е..л, значит не е..л, – Лёха сказал это с лёгкой раздражённостью в голосе, – если я говорю.... -он не успел закончить, потому что Руся резко надавил на тормоз и Лёху бросило вперёд.

Он выругался и увидел причину торможения. Из переулка слева на большой скорости выскочил мотоцикл «Урал» без люльки. Им управлял пацан лет пятнадцати-шестнадцати. Одетый в новый спортивный костюм и кроссовки, он гнал так быстро, что мотоцикл даже немного нагнулся на бок. Вы-

езжая из переулка, пацан повернул налево. Быстрая реакция Руси предотвратила аварию. До столкновения было не более метра. Повернув, пацан теперь поехал впереди.

-Чёрт дранный, – раздражённо сказал Руся.

– Он с пистерей. Они дом у Широпаихи купили, – сказал Лёха.

Пацан набрал скорость и ушёл вперёд, но, оглянувшись, стал притормаживать. Руся с Лёхой догнали его. Тут же пацан повторил этот номер снова.

– Не х.. чёрт ещё в.....ся, – Руся стал тормозить, – Леха прыгивай, догоню, ра....у.

-Руся поехали потом ра.....шь. Никуда он не денется. Смотри, на берег поворачивает.

Пацан повернул направо в кривой переулок, ушедший вправо, и скрылся за гаражом, стоящим на углу. Поравнявшись с переулком, Руся с Лёхой посмотрели туда. Пацан остановил мотоцикл в компании нескольких парней и девочек. Они смотрели на дорогу и смеялись. Не смеялся только один парень. Он стоял, оперевшись на багажник белой мазды, и смотрел с любопытством. Компания была не поселко-

вая, кроме одной девушки. Руся и Лёха сразу это поняли.

– Не х.., Вилкины е...й навели, – сказал Руся, – И этот тут же.

– Это Натаха, наверно, с города навезла. Х...и одни девки в семье. Всем е...а надо, -сказал Лёха.

– Мороз приедет, сгоняем на пестери. Побазарим. Ты пойдёшь?

Лёха на секунду замешкался.

– Да, – твёрдо сказал он.

Они проехали ещё несколько домов и приблизились к перекрёстку. Прямо дорога поворачивает немного налево. Слева дорога под прямым углом. Руся повернул направо.

Стал виден мост. Руся сбросил газ. Ехали по щебёнке. Компания на бревне на другом берегу тут же заинтересовала Лёху.

– О, свято место не пустует. А это кто? Надя?

– Блок-пост не может пустовать. Дежурят пацаны. Мышь

не проскочит. Ну, Надя. Почему её Афанас баба-конь зовёт?

– Рыжий конь поначалу звал. Потом баба-конь.

– Ты к ней подкатишь? Трахается, как автомат, безотказно, со всеми подряд. Кто-то говорил.

– Ну и что. Дырка есть. Шишка задымилась, целку что ли искать. У Партизана ещё х...знает. Гандон бы не помешал, конечно.

Они заехали на мост. Проехали по дребезжащим доскам. Мотоцикл встречали выкрики.

– Газуй. Давай, давай. Мотоспорт наше всё. Резче, резче на подъём.

Руся газанул, мотоцикл преодолел небольшой подъём и выкатился на берег. Руся сбросил газ, притормозил, развернул мотоцикл направо, потом налево и подъехал к бревну боком. На ходу он стал здороваться.

– Ноги берегём, – закричал Лёха, соскакивая.

Мотоцикл остановился.

– Всем привет, – сказал Руся.

Лёха поздоровался с Чесноком и далее направо. Дошёл до Нади, протянул ей руку и на несколько секунд задержал её руку в своей. Она взглянула ему в глаза.

– На рыбалку гонял на той неделе, на исток, – Лёха сел на корточки напротив Сидора, – Пантелееч тебе привет передаёт и тебе тоже, – Лёха посмотрел на Чеснока.

– Не х.. ты быстро добрался привет передать, – усмехнулась Надя.

– Я не забыл, это главное, – доброжелательным тоном ответил Лёха.

– Через Шебарчу ехал? – спросил Сидор.

– Нет. Через Юбилейный. На Шебарче не х.. делать, болото. Поздно уже.

– Ты о...л. На Шебарче делать не х... Шебарча о.....е место всегда. Вот мы на Шебарче, б...ь, – стал махать руками Лупень.

– Помолчи, – покривился Чеснок, – как Пантелееч? Фан-

томас там?

– Пантелееч нормально. Фантомас там, но я его не видел. Говорят, не просыхает, а х... ему делать.

– Ну чё, чё поймал-то? – сказал Сидор.

– Щюрогайка маленько и лещ.

– Ты сетями? Браконьер-вредитель, – засмеялся Пятак.

– Конечно, а х... не я так другие. Весной там вообще п... а. Один раз менты бухали, двое с б.....и. Всем рыбу подавай.

– Городских много? – спросил Чеснок.

– До х... С Партизаном едем. Девки сидят городские, три. Тряпочку расстелили. Жрачка, выпивка. Всё х...муё. Смотрим, парней вроде нет. Подрулили к ним. «Что, девчонки, скучаете?» Они ответили: «Уже нет. Хи-хи-хи. Мы к ним. Выпили стопочку одну, вторую. Они тоже пьют. После третьей одна говорит.-не уедем отсюда, пока не на....ся. На....сь уехали».

-Третью кто е..л? – спросил Чеснок.

-В смысле?

-Ну, вас двое, их трое.

-Аа, мужик городской. Потом присоседился. У него водка была. Ты рыбачишь? Лёха посмотрел на Толика. Тот был включён в общую беседу с Русей и Николаичем.

Они говорили в полголоса, не слушая остальных. Вопрос Лёхи Толик не услышал.

-Да я на Шебарче баб е..л пачками. Ни одна не ушла, – заорал Лупень и аж привстал на бревне.

-Ты е..л? Кого ты е..л на Шебарче? – Надя засмеялась и завертела головой.

-Без базара всёк по е.....у. Ещё один идёт. Хади сюда, сыночек ё.....й, – Опойка стал дёргать руками по дуге вперёд, как будто наносит удар. На него не обратили внимания.

-Дай я прокачусь, – Сидор полез к мотоциклу.

Николаич что-то говорил Чесноку.

-Рыбачишь? Нет? Тебя спрашиваю? – повторил вопрос

Лёха.

-А,а?

-Х.. на.

-Гы-гы-гы.

-На овчинке работал. Сифак намотал. Шалава е....ая.

-Приехал, ни кола ни двора. Приютили. Жену выебал у друга. Отблагодарил мразь еб...ая. Н..рал в душу гандон.

Начался галдёж. Никто никого не слушал. Лёха привстал, подавшись вперёд к Нади. Покосился по сторонам.

-Надя, мне нужно тебе что-то сказать. Давай отойдём, – негромко сказал он.

-А х.. ты, говори тут, тут все свои, – захохотала Надя.

-Не кричи, – поморщился Лёха.

-А? Что? Кого? – галдёж прекратился.

– Говори, я слушаю. Всё равно они узнают. Что хотел-то?

– Ха-ха, – не унималась Надя.

– Нет. С глазу на глаз.

– Лёха мозги не е.., говори, что тебе надо? – сказал Чеснок.

– Надя, отойдём, – Лёха взял Надю за рукав.

-Х... ты её хватаешь, – завизжал Лупень.

-Ты-то куда лезешь? Сиди, – Лёха покривился.

-Деньги есть? Давай и пойдём, – Надя решительно встала с бревна.

-На бутылку будет.

-Давай и не хватай меня.

Лёха достал деньги.

-Давай сюда, – Надя протянула руку.

-Потом, сначала сходим.

-Деньги давай, – Надя стала отбирать деньги у Лёхи. Он отдал. Надя шагнула к Чесноку и отдала ему деньги.

-И всё? На бутылку не хватит, – Чеснок смотрел на деньги.

-Ну, нет больше. Пойдём.

-Надюха, ты хочешь идти? А то бухнём, а он пусть на х... идёт. За деньгами, что б хоть на бутылку было. Гы-гы, – сказал Чеснок.

-Ты чё борзеешь? – Лёха шагнул к нему.

-Чё, чё ты б...ь, – Чеснок встал с бревна Сидор и Николаич тоже встали.

-Эй, харэ. Лёха, пошли быстрее, а вы за самогоном. Этого добра не жалко. Лёха, тащи деньги, хоть ложкой хлебай. Надя, пошатываясь, пошла к бараку.

- Надюха, не ходи, – закричал Чеснок.

-В следующий раз Лёшенька не придёт, нельзя обманывать. Да, Лёшенька? А мне моё сокровище не куда беречь, – закричала она в ответ, идя к первому подъезду первого ба-

рака.

– Руся, меня подожди, – сказал Лёха и широким шагом догнал её. Они вошли внутрь. Прямо лестница в пять ступенек на площадку. Там три двери в квартиры. Слева пространство под лестницей на второй этаж. Лёха схватил Надю за руку и шагнул туда.

–Надюха, смотри, стоит хоть ломай, – Лёха достал член из штанов и потряс им.

–Да поняла я сразу. Давай быстрее. Кто-нибудь пойдёт.

Надя встала раком, ложась грудью на старый стол, стоящий под лестницей, выставив вперёд локти. Лёха задрал подол платья и закинул ей на спину. Спустил трусы. Сначала себе вместе со штанами, потом трусы Нади. Завоняло грязным телом. Кислый специфический запах ударил Лёхи в нос.

– Слушай, ты хоть иногда пиз..... полощешь? – неуверенно сказал он.

–Ага, для тебя, б...ь, ...душку наготове держу. Е.. не базарь и х.. смочи хоть малёхо. О, полезли на чердак!

Лёха на секунду задумался.

-А...а поздно х.. встал, – Лёха плюнул на ладонь, вытер об з...у. Вставил. Начал половой акт. Слева на стене приколотый на кнопки висел плакат-календарь како-то голливудской актрисы с декольте. Сейчас он держался на двух верхних кнопках. Лёха сдёрнул его и положил на спину Нади.

-О, так ваще з.....ь, – пробормотал подумал он. Лево́й ру́кой Лёха придерживал подол, право́й глади́л изображение певицы, в районе декольте. Он быстро почувствовал приближение оргазма, в этот момент скрипнула дверь и кто-то вышел на площадку, пошёл к выходу на улицу.

-Сука, как всегда вовремя, – Лёха разозлился, но останавливаться не стал. Он злобно смотрел. Готовый встретиться взглядом с тем, кто идёт. Это был долговязый парень в самодельных шортах, сделанных из джинсов и футболки. Он ел ранетку и ещё несколько штук держал в левой руке. Парень равнодушно посмотрел на е..ю и вышел на

улицу. Появление постороннего не могло сбить Лёху с настрое́й на оргазм. Он даже притормозил процесс, чтобы потянуть удовольствие. Надя всё время молчала. Её тело было равнодушно к происходящему. Лёха это чувствовал, ему было плевать. Быстро приближалась развязка. Кончая, Лёха смял плакат. Он сделал ещё несколько толчков и вынул член.

Надя быстро выпрямилась. Лёха успел схватить подол, выбирая, где почище, и хотел вытереть х...

-О...л что ли, – Надя вырвала подол.

Лёха воспользовался смятым плакатом, после кинул его в угол.

-Спасибо, Надюша, выручила. Ты настоящий друг, чтобы я без тебя делал.

Надя что-то пробурчала, идя на выход. Лёха плюнул сквозь зубы на пол, повёл плечами и пошёл за ней, на ходу заправляя футболку в штаны. Вышел на улицу. Солнце весело ударило в глаза, трава стала зеленее, жить хорошо. Лёха улыбался.

Толик сгонял за бутылкой. Лысый налил полную. Проходя мимо водяной колонки, у Толика промелькнула мысль отхлебнуть из бутылки и долить воды.

-Помутнеет. Могут догадаться. Не стоит, – решил Толик.

Справа к мосту подошла девушка в белой мини-юбке и летней блузке с коротким рукавом.

-Кто это? – сказал Руся.

-У Парамоновых живёт. Родственница в институт поступает, – сказал Николаич.

-Кто её е..т?

-Догони спроси, – язвительно сказал Лупень.

Руся не ответил. Завёл мотоцикл, немного подождал, пока прогреется двигатель.

-А Лёху подождать...-сказал Пятак.

-Я вернусь, – Руся на первой скорости поехал на мост.

Он догнал девушку уже в конце моста. Остановился что-то сказал. Она отвернула голову и ускорила шаг. Он её снова догнал уже на берегу. Она не остановилась. Они скрылись из виду.

-Интересно, уговорит или нет. Она правильная, институт вся х...я, – сказал Пятак.

-Нет. Демьян бы смог. Руся не сможет такую уговорить, – усмехнулся Чеснок.

Вернулся Толик.

-Лысый в хорошем настроении. Полную налил, – доложил он. Вернувшись на бревно, протянул бутылку Чесноку.

-Подождем Надю, – сказал Чеснок, – Лысый один?

-Нет. Гости городские. Двое на белой машине.

-На белой машине, – передразнил Сидор, – чё ты, как баба? Марка какая?

-Не обратил внимание. Не иномарка.

-Иди назад, посмотри.

– «Москвич» – это АЗЛК. Как-то видел, – сказал Николаич. Вышла Надя.

-Выручила д.....ба, – сказал Лупень. Он первый увидел выходящую Надю.

-Надюша у нас молодец, щедрая душа. Всех выручает. О себе только не думает, – усмехнулся Пятак.

Чеснок передал бутылку Сидору. Обратился к Нади.

-Тебе полный стакан налить?

-Половину.

-Мне плесни пять капель по-мужицки, – сказал Лёха.

-Х..и тут пить, такая толпа. Ты своё получил. Закатай губу, – сказал Чеснок.

-Вот вы какие, – пробормотал Лёха.

-Какие есть, – сказал Чеснок, – Иди к Партизану.

Лёха зыркнул на Чеснока и посмотрел на улицу, где баракки.

-Не ходи, – сказал Пятак, – что ты к нему всегда ходишь? Пусть он к тебе тоже идёт.

-Не слушай его, иди, – сказал Чеснок.

-Правильно, никого не слушай, не ходи, – сказал Пятак.

Лёха покривился, посмотрел на обоих. Слегка кивнул го-

ловой. Как бы говоря: «Смеётесь надо мной, ну-ну!». Он быстро пошёл в сторону барачков. Самогон быстро допили. Николаич тоже выпил. Толику тоже досталось совсем немного.

В это время на мост въехали две девчонки ,на великах без рамы.В конце моста у того берега их остановила не высокая почтальонша средних лет , с сумкой.Она достала письмо и отдала одной девчонки.Когда почтальонша шла по мосту и выходила на берег ,на неё косились и быстро отводили взгляд.Почтальонша повернула на право не посмотрев на бревно.

-Боряба, – тихо сказал Толик.

-Один? – спросил Чеснок.

-Нет и Чилим.

Все сосредоточились. По левой дороге подошли двое. Высокий, широкоплечий мужик, одетый в чистые рубаху и штаны. Овальное лицо, высокий лоб, волосы с проседью, тонкие губы, уши прижаты к вискам. Второй был парень среднего роста, худощавый, с вытянутым лицом, бегающими глазами, узкими плечами. Он был одет в рубаху и спортивные трико.

-О, народу, как говна в колхозе, – сказал мужик, подходя.

– Говна, как народу, – неприятно захихикал Чилим.

На бревне подвинулись. Толик пересел на траву. Николаич на пенёк. Лупень встал с бревна. Боряба переступил через бревно. Сел между Чесноком и Пятаком. Поздоровался с ними и Сидором.

-Кто угостит сигареткой? – сказал он.

Лупень быстро вытащил пачку, достал сигарету, протянул.

-Спасибо, Илюша. Ты настоящий друг, – сказал Боряба. Достал зажигалку, прикурил, – К Семёновым ночью кто-то залез, дрова сп.....и. Шашлыки, наверно, жарить, -усмехнулся Боряба.

-Вот бы летом ещё дрова пи....ь, вон их сколько, – Пятак кивнул на берег.

-А зимой можно? – сказал Боряба.

-Нет, конечно. Люди разные бывают, – ответил Пятак.

-Бывают люди, а бывают крысы. Я ведь всё равно узнаю. Если пронюхаете, лучше сразу скажите, – сказал Боряба.

-Может, со среднего кто. На бутылку. Лысый только деньги берёт, – сказал Пятак.

-Он х...й не занимается, – раздался писклявый голос Чилима.

-Из своих кто-то. Кто знает, где что лежит, как залезть – сказал Николаич.

-Какой ты умный, – усмехнулся Боряба. Он протянул остаток сигареты Чилиму докурить. Взял воду. Запил. Вставая с бревна, сказал: «Пойдём Серёга». Не глядя на Сидора, Боряба обернулся к Чилиму, протянул полторашку. Они переглянулись с видом людей, которые в теме, а остальные не знают, о чём речь.

-Куда ты, Борис. Посиди с нами, – сказал Чеснок.

-Да х..и тут сидеть, – сказал Боряба.

-Хи-хи-хи, – засмеялся Чилим.

Боряба пошёл на мост, не оборачиваясь. Сидор поплёлся

за ним. Чилим пошёл назад, по улице по которой они пришли. По мосту проехал красный москвич. За рулём мужчина, на пассажирском сиденье женщина.

-Пыжик вернулся, она приняла? Не забуду, пьяный орёт: «Дети, ваша мама б...ь, но это не беда», – засмеялся Лупень.

-Поругались-помирились. Как у всех. Зато он её не п...ел ни разу. Как некоторые. Муженёк п...ет ногами, она орёт: «По морде только не бей, мне завтра на работу», – сказала Надя.

-Ты про кого? – сказал Чеснок.

-Какая разница.

-Серёга Скворцов идёт, – сказал Пятак.

По мосту с того берега широким шагом шёл подтянутый парень. В джинсах и разноцветной рубашке-безрукавке. Он быстро прошёл мост.

-Привет, Серёга, – крикнул Пятак.

-Здарова, – ответил тот, не повернувшись.

-Здарова п...да у коровы, – буркнул Лупень достаточно громко.

-Тебе е...о разбить? – Серёга остановился и смотрел на Лупня.

Тот что-то пробурчал.

-Да он ни какой, Серёга. Чё ты, – сказал Пятак.

-Да мне по х.. пьяный сраный,сейчас подлечу, – Серёга шагнул к бревну. Пятак тряхнул Лупня за шиворот. Серёга уже подошёл.

-Не надо. Извини, – выдавил из себя Лупень, закрывая лицо руками.

-Б...ь. Пи...ть вас надо, – Серёга повернулся и пошёл по тропинке вдоль берега.

-Б...ь Лупень нашёл с кем шутить. Это же Скворцов. Он обычно п...т, потом разговаривает. Ломом подпоясанный, – сказал Пятак.

-Ты не видел ломом подпоясанных, – усмехнулся Сидор.

За болтовнёй не обратили внимание на человека, который с той стороны зашёл на мост. Это был худой, сутулый человек, одетый в осенний плащ с капюшоном. На голое тело. На ногах дрявые галоши. Один только начал рваться, другой уже сильно, не мытые пальцы торчали наружу. На левой ноге носок, другая нога без носка. Человек шёл мелкими шажками, смотря себе под ноги, улыбаясь и что-то бормоча. Ему было около сорока. Вытянутое лицо в морщинах. Взъерошенные волосы. В правой руке он нёс удочку из ивы, в левой алюминиевый котелок с водой. Его заметили, когда он уже стал выходить на этот берег.

– О б...ь Ерёма. Как из п...ды на лыжах, – сказал Пятак.

-Столько время, с утра надо, – сказал Толик.

-Значит, с утра у себя рыбачил. Наверно, клёва нет. Решил сюда. На другом берегу лучше клюёт, – сказал Чеснок.

-Воду с собой тащит ха-ха, чудик блин, – негромко сказал Пятак.

Ерёма сошёл с моста, по-прежнему смотря под ноги, и направился к бревну.

-Привет, Ерёма, – сказал Чеснок.

Ерёма, не поднимая головы, подошёл к нему.

-Куить е? Куить е? – Ерёма сказал это тихо, смеясь. Он поднял голову. Извиняющаяся улыбка растянулась на его не мытом лице, обнажив больные зубы. И тут он же снова опустил голову.

-Куить е? – повторил он ещё раз. Поставил на землю котелок и протянул руку Чесноку.

-На, Ерёма, покури, – Николаич достал сигарету из кармана рубахи и протянул Ерёме.

-Пасиба, пасиба, – Ерёма быстро взглянул на Николаича, взял сигарету. Сунул её в карман плаща. Опять уставился в землю.

– Мона е? Мона е? – он снова протянул руку.

– Ещё хочет, – сказал Пятак.

-Не мона, а нуна. Ха-ха-ха, – засмеялся Лупень. Остальные не засмеялись.

-Моты, моты, моты а а а а, – неожиданно Ерёма задрал го-

лову кверху и протянул руку, тыча указательным пальцем в небо. Все, кроме Опойки, невольно посмотрели на небо. Там не было ничего особенного. Только редкие, летние облака медленно тянулись с юга на север.

-А,а,а, – повторил Ерёма. Безнадёжно махнул рукой, виновато улыбнулся и снова уставился в землю.

-Во даёт. Чё та б...ь увидел, – сказал Чеснок.

-Не х.., он не увидел, – пробурчала Надя, – сейчас навывдумываете.

- Мона, мона, – Ерёма снова протянул руку. Чеснок повернул голову и уставился на Лупня.

-И кто тебя курить научил? – тот покривился, достал из кармана смятую пачку. Извлёк забычкованную сигарету.

-Не жмись, – хмуро сказал Чеснок.

-Да на, на, – Лупень достал целую сигарету и протянул Ерёме.

-Аааа, – Ерёма сунул сигарету в карман плаща.

-У тебя спички есть? – сказал Николаич.

-Ба,ба,у,у,уня уть не ымы, – Ерёма быстро заговорил, приставив свободную руку к голове, справа, потом слева, что-то изображая, – ука уа, – продолжил он.

- Саня, переводи, – Чеснок посмотрел на Николаича.

- Шуку поймал. Взади бык подошёл. Чуть не забодал. За-скочил в воду. Щука ушла, – сказал Николаичь.

- Молодец. На что он шуку ловил? – спросил Чеснок.

- Ерёма, что на крючок надел? – спросил Николаич.

Но Ерёма опять склонил голову и стал улыбаться. Он взял котелок и пошёл направо по берегу.

- Он не знает названия рыбы. Пацаны в детстве неправильно научили. Чебака шукой называет, леща – карасём. До....ы, – сказал Пятак.

-Хозяина собаки за яйца надо было повесить. Ребёнка дураком сделали, – сказала Надя.

-Какая собака? Он в колодец упал вверх ногами. Не успел

в школу пойти, – сказал Чеснок.

-Откуда ты знаешь? Емельянова из его деревни была, – заорала Надя.

-В фазанке пацаны из Берёзовки рассказывали, – резко огрызнулся Чеснок.

-А он не из Берёзовки, он из Сосновки.

-Ну, значит, из Сосновки. Какая на х.. разница. Пацаны его знали.

-Вы ещё подеритесь. Не повезло ему х...и тут спорить. А может наоборот повезло. Всю жизнь прожил, как пятилетний ребёнок. Ни забот, ни хлопот. Пахать не надо, – сказал Николаич.

-Интересно, он бабу хоть раз е..л? – сказал Лупень.

-Кто о чём, – пробурчал Николаич.

-На картошке в Валуйках дурачок был местный, молодой. Засекли его раз, два д прочит. Спрашиваем: «Ты бабу е..л? Хоть раз?» Он не понимает не х... Мы подговорили местную. Скинулись ей. Утром спрашиваем: «Ну, как?» Она от-

вечает: «О, долбил меня всю ночь». Его увидели, глаза горят безумные. Говорит: «Такое было, такое было». Спрашиваем: «Тебе понравилось?» Он отвечает: «Ага, чуть не помер». Мы ржём.

-Мастак говорит.-Это не он дурак. Это вы дураки, что ржёте над ним, – продолжал Лупень.

-Миллион раз рассказывал эту историю, – махнул рукой Чеснок.

По мосту быстро прошли на эту сторону два мужика, один со штыковой лопатой, и повернули направо, на берег.

-Эй, мужик, брось лопату, – крикнул Лупень.

Мужики не посмотрели на него.

-Ты чё ох...л. Я кому сказал брось. Оглох что ли?

-И-ди на х... – твёрдо по слогам сказал мужик.

-Да я тебе эту лопату в жопу запихаю. Тебе п...ц. Б...ь. Эй, ты, х.. скажи тому х.ю, что он тоже х... ха-ха-ха.

-О, Валентиныч чешет. Сейчас начнётся, – сказал Лупень,

смотря на дорогу к водоколонке. Опираясь на трость, к перекрёстку двигался пожилой мужчина среднего телосложения. Чисто одетый в рубаху и штаны. Он был в очках, немного сутулился. Аккуратно причёсанный. На лице морщины. Немного отвислая нижняя губа. Он шёл небыстро, но твёрдо. Не доходя пяти метров, остановился:

-Добрый день, – раздался хорошо поставленный голос.

-Здарова, ага, привет, – раздались вялые голоса.

-У меня есть работа на 20-25 минут, максимум 30. Денег не заплачу. Работы мало. Дам поесть.

-Что делать? – пробурчал Чеснок.

-Валентиныч, я пойдуууу, – брякнула Надя

Тот поморщился.

-Нужно натаскать дров в баню. Убрать золу, достать из погреба картошку и овощи. Это неженский труд, если есть мужчины.

-Нет желающих, – засмеялся Чеснок.

Валентиныч подошёл к Толику.

-Анатолий, я предлагаю тебе поработать.

-Хлеб есть? – Толик посмотрел снизу вверх.

-Конечно, и чай.

Лёгкое оживление прошелестело на бревне и заглохло.

-Чай? Да какой там чай, нифеля, – усмехнулся Чеснок.

-Сергей Викторович, я не понимаю, на каком основании ты делаешь такие заявления! – Валентиныч затряс рукой, опираясь на палку, перебирая губами.

-Я схожу, – сказал Толик.

-Давай, иди. Трудяга, – ехидно сказал Лупень.

-Хлеба принеси. Понял? – решительно сказал Чеснок.

-Понял, -буркнул Толик

Они пошли. Впереди Валентиныч, на пол шага назад Толик. Идти было недалеко. Прошли дома Лысого, свернули налево в проулок. Прошли несколько домов. Вышли на ули-

цу. Повернули направо, подошли к дому Валентиныча. Забор из досок зелёного цвета. Вошли в калитку. На встречу кинулась большая чёрная собака. Вдоль тропинки до крыльца, вымощенной красным кирпичом, натянута толстая проволока, по которой могла перемещаться собака. Сейчас собака ограничена в движении. Валентиныч накинул кольцо цепи на штырь, вбитый в угол сарая под углом на высоте около двух метров. Собака рыкнула пару раз и вопросительно посмотрела на хозяина. Тот успокоил её, слегка помахав ладонью, не поднимая руки. Они пошли по дорожке из кирпича, подметённой, слева и справа цветы. Дойдя до крыльца, Валентиныч повернул налево, взяв стоявший на крыльце стул. Открыл калитку по пояс человеку, мимо веранады они пришли в огород. Баня слева в углу огорода. Дорожка туда без кирпича, растут подорожник и одуванчики. Они пошли мимо грядок морковки, свеклы, капусты. Потом мимо рядов картошки.

-Вот ты знаешь, – сказал Валентиныч, когда подошли к бане, – ты тут уже работал. Начинай. Вот ведро.

Ведро стояло возле порога. Толик кивнул головой и прошёл в предбанник, Валентиныч остался снаружи. Зола аккуратно подметена в угол возле котла. Рядом стояли савок, кощера и веник для мусора. В другом углу под лавкой аккуратно стояли тазик и старый раздрызганный берёзовый веник.

Толик быстро набрал ведро золы, краем глаза чуть выглянул на улицу. Валентиныч сидел на стуле и хмуро смотрел на баню. Толик хотел протянуть время, чтобы Валентинычу не показалось, что он мало работал, хотя он понимал, что это ничего не даст. Больше тарелки супа с сухарями он не получит. Он вышел наружу.

– Туда? – он посмотрел за спину Валентинычу.

– Да.

Толик пошёл по тропинке. Она привила его к туалету возле забора. За туалетом куча древесной золы, прикрытой садовой плёнкой, по углам придавленная кирпичами, чтобы ветер не сорвал с кучи. Толик отодвинул ногой кирпич, поднял край плёнки, опрокинул туда ведро и быстро вернул плёнку на место, чтобы зола не летела в лицо. Пошёл назад в баню. Он вынес четыре ведра. Вынося последнее ведро, подмёл пол. Вернувшись, Толик поставил в угол ведро и вышел из предбанника.

-Всё, – сказал он Валентинычу.

Тот молча подошёл к дверному проёму, сунул голову в предбанник. Быстро осмотрел, кивнул головой и, не оглядываясь, пошёл в огород. Толик за ним. Подошли к погребу.

Валентиныч достал из кормана ключ. Протянул Толику. Тот открыл замок. Вернул ключ. Всё это происходит молча.

- Два ведра картошки, пятнадцать штук моркови и восемь штук свёклы среднего размера, – Распорядился Валентиныч.

«Е...ый п...ц. На х.. так жить. Морковку по штукам считать», – подумал Толик, чувствуя, что начинает злиться.

- Нельзя сразу лезть. Надо воздуха нагнать. Там воздуха нет, вдохну раз, угар, упаду. Кто меня доставать будет? – Он стал резко махать крышкой погреба, нагнетая туда воздух.

- Стой, стой, – Валентиныч затряс в воздухе тростью, – не дёргай крышку. Шарнир сломаешь. Достаточно. Лезь туда. Вёдра там.

Толик ещё пару раз махнул крышкой. Уже плавно, не резко. И спустился в низ, приюхиваясь к воздуха. Здесь картошка, морковь, свёкла, редька. Банки с соленьями и вареньем. Толик набрал два ведра картошки, вылез наверх. Пошли в дом. В веранде Валентиныч указал Толику пальцем на два тазика. Один цинковый, большой и алюминиевый в половину меньше.

«Цветмет. Сдать на х...», – автоматически подумал То-

лик. Высыпал картошку в цинковый таз. Пошёл в погреб. Валентиныч за ним. Толик принёс свеклу и морковь, высыпал в таз. Вёдра спустил назад в погреб. Закрыл крышку на замок. Потом из дровенника привёз в баню две небольших самодельных тележки дров. Он настроился, что работа закончилась.

-Ну, теперь, Толя, самое главное – слив прочистить, – сказал Валентиныч.

Толик почувствовал, что у него холодеет в груди.

-Валентиныч, за слив разговора не было, – тихо, отдельно сказал он, отрицательно качая головой.

-Анатолий, да что ты говоришь. Как не было, когда было, – Валентиныч улыбался.

-Не было, – Толик выпрямился и упёрся взглядом в Валентиныча.

-Толя, давай ты не будешь спорить. Я здесь хозяин. Работы на полчаса. Больше спорить будешь, – по лицу Валентиныча проскользила лёгкая усмешка

-За такую работу деньги платят. Парашу чистить. Полдня

уйдёт, – Толик не заметил, как повысил голос, он терял самообладание.

-Хорошо, я тебе заплачу, но ты забываешься.

-О деньгах там надо было говорить, – Толик мотнул головой в сторону бревна, -Может, кто другой пошёл бы. Пойдём, спросим.

-Тебе деньги лишние? – язвительно сказал Валентиныч.

Толик хотел что-то сказать, но сдержался. Помолчал несколько секунд, твёрдо сказал:

-Аркадий Валентинович, не нужен мне ваш хлеб. Я пошёл. Расскажу.

-Дурак, – завизжал Валентиныч, – возьмёшь деньги, они не узнают.

-А у меня от пацанов секретов нет!

-Ты хоть посмотри. Там пару ведёр и пробить тросом, работы тьфу.

-Пойдём.

Они пошли к калитке, свернули налево. Собака снова дёрнулась на цепи. Повернули направо, подошли к сараю у забора. В нескольких метрах от сарая заводской чугунный люк на колодце. Рядом ломик и несколько дровин. Толик схватил ломик и быстро открыл люк. Раздражение придавало сил. Толик посмотрел вниз, прикинул в колодце не меньше десяти вёдер, ещё надо пробить слив. Он хотел бросить люк открытым и молча уйти. Но подумал о хлебе, и чувство голода сковало руки и ноги. Мысль о горячем чае окончательно остановила его. Он принял решение.

– Где трос? Я пробью, вычерпывать не буду, и надо переодеться.-,-все равно на...т, мало денег даст.-,-подумал Толик.

Валентиныч сверкнул взглядом на Толика, резко развернулся и пошёл в сарай. Принёс трос и старую робу.

– Работай. Я суп разогрею. Денег не будет,раз вычерпывать не будешь.

Толик переоделся. Он размотал трос, спустился в колодец. Конец троса засовывал в трубу, пока трос не упёрся в пробку из канализационных нечистот. Толик вылез наружу,

покрутил трос. Снова спустился. Пришлось повозиться, напарника не было, одному не удобно работать. Наконец, в трубе забулькало. Потекла тонкая струйка жижи. Толик быстро запихал трос до конца, покрутил его. Начал вытягивать назад. С шумом полилась вонючая жидкость. Толик вытянул трос на поверхность. Переоделся в свою одежду. Пошёл в веранду. Валентиныч ждал его на крыльце с ведром воды.

-Сполосни трос, – холодно сказал он.

Толик молча взял ведро, сделал, что надо. Вернулся, зашёл в веранду. Разулся на пороге. По старой вязаной дома ковровой дорожке прошёл к умывальнику. Умылся с мылом. Сел за стол, спиной к двери. Лицом к Валентинычу. Стол был слева от двери, возле окна. Валентиныч сидел справа от двери, в противоположном углу. Слева от Валентиныча стоял старый холодильник. На столе стояла тарелка с супом, тарелка с хлебом, соль, стакан, чайник на подставке и железный заварник. Толик взял ложку, посмотрел на хлеб. Только два тоненьких кусочка, хоть и чёрствые, но были целые. Остальные кусочки были огрызки, на одном Толик чётко рассмотрел отпечаток зубов. Он взял целые кусочки и начал есть суп. В супе он обнаружил тоненькие волоски мяса. Толик понял, это были двух или трёхдневные остатки от супа. Валентиныч долил кипятка, добавил, порезав несколько све-

жих картошин, и теперь кормит его.

-Картошка в этом году ничего, – заговорил Толик.

Валентиныч усмехнулся и повернул голову в сторону.

-Скоро дожди. Грибы пойдут. Вам надо грибов, грузди? Если Константиныч меня возьмёт, белый гриб будет.

-Ешь быстрее. Я жду звонок межгород, – раздражённо сказал Валентиныч. Он посмотрел на наручные часы.

Толик налил кипятку и чая из заварника. Сделал небольшой глоток. Та же история. Чай был вторяк. Валентиныч довёл его до кипения, добавил свежего чая, но не больше

чайной ложки. Толик отпил полстакана, слил остатки из заварника. Он доедал суп и хлеб, когда в доме загремел треск телефонного звонка.

-Боже мой! – взвизгнул Валентиныч, – Договорились же, ещё не время, – он соскочил со стула, – Доедай быстрее.

– Сейчас чай допью.

Телефон продолжал звенеть. Валентиныч повертел голо-

вой и сказал:

-Допивай и иди, я в окно буду смотреть.

Толик кивнул головой. Валентиныч пошёл в дом. Толик одним махом допил чай, поставил стакан и рванул к холодильнику. Придерживая левой рукой, чтобы не шуметь, открыл правой. Дело шло на секунды. Толик мгновенно всё увидел. Яйца, молоко, сметана, банка с вареньем, банка с огурцами, завёрнутые пакеты. Внизу под морозильником лежал комок, замороженных куриных окорочков. Толик схватил окорочок сбоку. Ему показалось, что если окорочок оторвать, то не будет заметно, что на этом месте был окорочок. Не будет углубление в кучи. Толик обеими руками потянул окорочок на себя. Ничего. Толик потянул сильнее, ничего. Отчаяние охватило Толика. Он потянул ещё раз, вложив в это усилие все силы, стараясь не шуметь, взмолившись.

– Господи, ну, почему мне всегда не везёт...

Окорочок пошевелился, или показалось?! Толик потянул ещё, окорочок оторвался от кучи. Толик сунул его подмышку правой руки, вздрогнул от холода и вышел из веранды. Мысли вихрем неслись в голове, как он уйдёт за канал в кустарник, разведёт костёр, жарит окорочок. Но сейчас нужно дойти до калитки и выйти на улицу. Стараясь выглядеть

равнодушным, не поворачивая головы на окно, Толик пошёл. Вдруг его удивил громкий стук. Он не сразу понял, что это стучит его сердце. Собака рвалась и заливалась лаем, но Толик не слышал её, в ушах стоял непонятный, монотонный гул. В глазах потемнело. Господи почему, так медленно приближается калитка. Шаг. Ещё шаг, ещё,

ещё. Вот она на расстоянии вытянутой руки. Спокойно. Только спокойно. Толик левой рукой слегка открыл калитку, пошёл. Калитка легла на правое плечо. Толик вышел на улицу. Придержал калитку левой рукой, чтобы она не шумела. Калитка закрылась. Всё! Теперь быстрее уходить отсюда. Толик не пошёл назад, он повернул направо и быстро зашагал вперёд. Людей нет. Отлично. Улица кончится, он повернёт налево и вдоль берега уйдёт в кусты. Он прикинул место, где практически не бывает людей. Соберёт хворост, спички есть. Зажарит окорочок. Зашкварчит жир. Толик физически почувствовал запах жареного окорочка. У него перехватило дыхание. Он становился сделал несколько вдохов. Пошёл дальше. Вдруг справа из переулка вышел человек. Это был Чилим. Он удивлённо уставился на Толика. Куда шёл Чилим это меньше всего интересовало в этот момент Толика.

Когда Толик и Валентиныч ушли, на бревне продолжилась жизнь.

-Смотри, невеста твоя идёт, – сказал Пятак Лупню.

По мосту шла девушка в синих джинсах и футболке. Пройдя мост, она повернула налево.

-Привет, Оля, – сказал Лупень. Девушка кивнула, не поворачивая головы.

-Такую деваху упустил. Так-то она как была? Похвались, – сказал Пятак.

-Не было, – сказал Лупень.

-Да ладно. Дружил же с ней в школе.

-Да не трахал я её б...ь, – злобно сказал Лупень, – Я только х.. показал. Зажал её в раздевалке, она хихикает: «-Покажи.-говорит х...». -И я показал х..! – выкрикнул Лупень, выпрямившись, потрясая сжатыми кулаками, гордо подняв голову и обведя всех торжествующим взглядом, – всё, больше ничего не было, напора не хватило. Потом бы я её оттарабанил, прям там б...ь в раздевалке. А тогда не смог. Сейчас с камазистами е...ся сучка.

– Бывает, – сказал кто-то.

На том берегу раздался визг тормозов. Белая шестёрка резко остановилась перед мостом. Тут же снова тронулась и въехала на мост, двигаясь рывками. Водитель давил то газ, то тормоз.

-О,о. Кто это? Да бухой в жопу, – раздались голоса.

-Трофимов? – сказала Катя.

-Вроде Кр.....ов.Младший. Он же не пьёт, – сказал Пятак.

-Ну, точно, Вадик, – сказал Лупень.

Машина выехала с моста. Водитель объехал бревно справа. Заехал сзади и остановился. Из машины вышел парень. В рубашке, спортивных штанах и домашних тапочках. Хлопнул дверцей. Он был в среднем состоянии опьянения. Стекло в задней дверце было опущено. Он сунул туда руку и достал пакет с чем-то.

-Я знал, что встречу здесь удивительную компанию. Пить одному – это признак дурного тона. С утра мы начали с соседом, но супруга запретила ему продолжить наше времяпрепровождение. Я рад вас видеть, друзья, – парень, обхо-

дя бревно, протянул руку. Поздоровался с Надей, Лупнем и, пройдя вдоль бревна, с стальными.

-Ты ли это, Вадик? Ты же не пьёшь? – спросила Надя.

Вадим сел на бревно между Чесноком и Пятаком, которые подвинулись, давая понять ему, чтобы садился туда. Поставил пакет на землю. Звякнули бутылки. Все зыркнули на пакет, на Вадика, друг на друга.

-Я не пью. Я выпиваю. Но я могу бросить в любой момент, если захочу. Правильно? – Вадик посмотрел на Чеснока. Было понятно, что он смеётся.

- Конечно, Вадим, что ты ханыга что ли? – сказал Чеснок, сдерживая улыбку.

- Рассказывай, что загулял? – сказал Николаич.

Вадим молчал, уставившись в одну точку перед собой. Повисла тишина.

-Толик сейчас все деньги заработает. Хе-хе, – негромко сказал Пятак.

-Ага. Бражки нам возьмёт у Патюхиной, – сказал Лупень.

-Ведьма б...ь. Колдует над бражкой. Литр выпили вдвоём. Попадали. Это как? -сказал Чеснок.

-Табачный лист суёт. Всё колдовство, – усмехнулся Пятак.

Вадим молчал.

– Она раньше ворожила, – сказала Надя.

-Кто? Как? – сказал Лупень.

-Тебе не по х...-ответила Надя.

-Слушай Надя, а сколько ей лет? Я двадцать лет назад приехал, она уже старухой была. Ей точно под сто, – сказал Николаич.

-Хрен её знает.

Так продолжался неторопливый разговор. Собеседники поглядывали на Вадика, на пакет.

Вадим молчал.

-Это п...ц на х..., это вообще п...ц, – наконец заговорил

он. Выпрямившись на бревне, обхватил лицо ладонями, растопырил пальцы и провёл пальцами вниз по лицу, как будто пытался избавиться от наваливавшегося сна. Все заулыбались и стали слушать.

– Сука, спиралька выпала, б...ь, выпала. А если бы не выпала? Тогда что? А не х...-неожиданно со злорадством продолжал Вадик.

Все вопросительно посмотрели друг на друга.

-Х.. знает, – пробормотал кто-то.

Надя искривилась в беззвучном смехе. Это заметил Пятак. Он протянулся к ней мимо Лупня.

-Что за фигня? – тихо спросил он.

Она махнула на него рукой.

-Спиралька б...ь. Миллионы лет меня не было и не х.., и ещё миллионы лет не было бы, но выпала спиралька. Всё совпало. Папаша захотел. Мамаша воду таскала и выпала спиралька. А если бы пахан не пришёл домой или присунул кому-нибудь днём, а если бы дед баню не попросил, а если бы не выпала спиралька? Вот вы удивились, что я пьяный, а как

тут не пить. Такая х...ня. Мать вчера вечером пьяная рассказала историю моего зачатия.

-Ха-ха, я понял, – сказал Чеснок.

-Что ты можешь понять, друг. Давай лучше выпьем, – Вадим достал из пакета две бутылки водки и две пачки сосисок из курицы, по десять штук в пачке. Пачку дешёвых сигарет. Их сразу разобрали. Ещё он достал булку белого хлеба. Вадим посмотрел на Чеснока. Тот головой указал на Николаича. Вадим протянул ему продукты. Булку Чеснок протянул Николаичу, тихо сказав:

-Хлеб.

Николаич кивнул, достал перочинный ножик. Положив булку на бревно, разрезал её поперёк на ровные девять частей.

– Берите, – сказал он.

-Ему на х.я. У Валентиныча нажрётся, – сказал Чеснок.

-У него нажрёшься. То ли ты не знаешь, – ответил Николаич.

Каждый взял по куску. Для Сидора Пятак положил во внешний карман пиджака. Опойке сунули в руки. Хлеб выпал и скатился на траву. Чеснок нагнулся и засунул хлеб ему в боковой карман куртки. Вадим не стал ждать и сам раскрыл бутылку. Налил полстакана в подставленный стакан. Выпил, стал жевать сосиску. Бутылку быстро распили. Взяли по две сосиски. Пятак стал есть сразу обе.

– Спасибо Вадик. З...сь. Хлеб тоже еда, – сказал Лупень, жуя хлеб.

-Да ты ах...л сука, – заорал Чеснок, – Хлеб самая ох.....я еда.

-Да ладно, я так.

-Что Катя, часто пить стала? – Надя обратилась к Вадиму.

-Нет. Мне надо съезжать с хаты. У нас с ней залупа началась, «Отцы и дети». Я её не понимаю, она меня. Если же-нюсь, тем более, с мамкой жить нельзя. Будет, как у Сазоновых. Вика орёт: «Выбирай или мама, или я!» Мать орёт и плачет: «Маму на шлюху променял!» Гена стоит глазками хлопает: «Не ругайтесь. Пожалуйста. Я вас обеих люблю».

Все засмеялись.

-Конечно, молодым отдельно надо жить, – сказал Пятак.

-И вот вечером пиво пью. Она берёт бутылку. Говорит: «Я с тобой буду пить. Папаша твой был алкаш, и ты тоже». Вот зачем так говорить? Я, что, запился? Работаю. Время есть, выпиваю. Мы поругались. Я психанул взял самогона у Беляевой. Набухались с ней. Она и заявила: «-А тебя вообще не должно было быть. Я одного ребёнка хотела. Спиралька выпала, и ты появился». Вы прикиньте, б...ь, родному сыну такую х...ню говорить.

-Дааа я бы тоже ох...л, – сказал Чеснок.

-Вадим, смотри, ну, пойми она у тебя ещё не старая, – начала Надя.

-Ну, так пусть, так и скажет. Ты мне мешаешь личную жизнь устраивать. Я свалю. В чём вопрос, б....ь. Куда-нибудь пристроюсь.

-Ищи девку хорошую и уходи от мамки. Что на работе нет молодых? – спросил Чеснок.

-Была одна Настя. Увезли куда-то.

-Молодую е..ть увезли. Х..и тут думать, – сказал Пятак.

-Спиралька, б...ь, я теперь не избавлюсь от этого слова.

-Бывает, Вадим. В жизни такая х... бывает, захочешь и не придумаешь. Вот у нас в армии, в Надыме случай был , пацан залупу отморозил. Вот п....ц у человека, – сказал Пятак.

-Как отморозил?

-В феврале на посту. Мороз пятьдесят и ветерок ещё такой поганый. Приказ, б...ь, был не ссать на посту. Перед караулом много не пить. Военврач орал: «Отморозите х..., не успеете ничего почувствовать». Но его приспичило, думал по-быстрому поссит. В общем, отвалилась залупа через неделю. Там орал ,там орал п....ц от боли.

-Что, правда? – недоверчиво спросил Вадим.

- Вадим, кого ты слушаешь. Там поди б...ь кожицу отморозил маленько. Потом сочинили, – сказал Чеснок.

Неожиданно раздался треск мотоцикла. Со стороны барачков на скорости подрулил «Иж-Планета 5» с люлькой. За рулём мужик с засученными рукавами, а сзади парень. Мотоцикл резко остановился, перпендикулярно бревну, мужик не

заглушил двигатель.

-Где он? – рявкнул он.

-Кто?? – ответило сразу несколько голосов.

-Боряба! Б...ь.

-Ушёл, – Чеснок кивнул на мост, – Он с... – хотел продолжить Чеснок, но мужик его уже не слушал.

– Я же говорил, б...ь, – он резко обернулся к парню и тронулся с места.

-Давно? – успел крикнуть парень.

-Нет часов, – крикнул Чеснок. Кто-то пожал плечами.

Мужик с парнем погнались на мост.

-Нифига себе у вас тут Санта-Барбара. Жизнь кипит, – сказал Вадим.

-Страсти-мордасти. Боряба что-то опять замутил, – сказал Чеснок.

-Сто миллионов лет назад жили динозавры. Эти сто миллионов лет для нас прошли очень быстро. Почему? Ты знаешь почему? – Вадим посмотрел на Чеснока.

-Х.. знает, – ответил тот.

-Потому что нас не было. Просто не бытиё. Год, миллион, миллиард лет пройдут быстро для того, кого нет. И после нас пройдёт сто миллионов лет очень быстро, для нас, потому что нас не будет. Но между ста миллионами до и ста миллионами после нас есть какие-то ничтожные семьдесят, восемьдесят лет, которые называются наша жизнь. Но даже этих несчастных восемьдесят лет не было бы, если бы не выпала спиралька. Но она выпала и есть восемьдесят лет, которые называются я! Вадим Кр.....ов! – закончил Вадим.

-Ха-ха, – засмеялся кто-то.

Вадим посмотрел на бутылку. Пятак понял, надо открывать.

-Вадим, ты смотри по-другому на ситуацию, – сказал Николаич, – Смотри, дед, попросил баню, мать таскала воду, значит, больше не кому было таскать. Спиралька выпала, пахан пришёл, захотел, смог. А если бы раньше пришёл вдруг бы он начал воду таскать, а ели бы не смог. Но он пришёл

ни раньше, ни позже. Короче, если всё совпало и ты родился вопреки всему, значит, судьба выбрала тебя для чего-то. Значит, ты избранный.

-Ха-ха-ха, – засмеялся Вадим, и все остальные.

-Вадим, не думай об этом, еба...ся, – сказал Чеснок.

-Но всё таки как странно, – сказал Вадим, – надо написать рассказ про эту спиральку. Взять псевдоним «Уставший интеллигент». В молодости интеллигент был полон сил и энтузиазма. Хотел бороться с несправедливостью, бардаком в обществе. Он дожил до сорока, устал. Понял, что нифига невозможно изменить в людях, в обществе. Махнул на всё рукой, и грустно смотрит на происходящее. На лице у него появилась сеточка морщин. Он в очках. Седеющие волосы.

-Сейчас я тебя отвлеку, – сказала Надя. Встала, прошла. Без стеснения села Вадиму на колени и обхватила левой рукой за шею.

Пятак открыл бутылку. Налили Вадиму. Он выпил. Надя поднесла ему ко рту сосиску. Он закусил. Запил из протянутой полторашки. Бутылку стали распивать. Коллективное внимание было направлено туда. Надя заёрзала на коленях. Прильнула к Вадиму и горячо зашептала на ухо:

-Поехали купаться. Они пусть пьют. Я тебе дам, – сказала она и добавила ещё что-то совсем шёпотом.

Вадим вздрогнул и стал краснеть. Надя в упор смотрела ему в глаза своим маслянистым взглядом.

-Нравится? Нравится? Вижу, что нравится. Ах ты проказник, – зашептала она и стала щекотать его подмышкой.

-Надя, слезь, – прошептал Вадим.

-Конечно, – сказала Надя, слезая, – Расстегни пуговицу, жара такая, – она расстегнула вторую пуговицу сверху, поправив отвороты воротника. В это время Опойка после долгой возни расстегнул пуговицы на ширинке, кроме верхней, повозившись достал член и стал теревить его. Голова у него склонилась, как в полудрёме, глаза закрылись.

-Ты смотри, что вытворяет? Ха-ха-ха, – засмеялся Пятак.

-Не дрочи, – наклонившись, Чеснок громко сказал Опойки в ухо.

-А,эээ, ссукааа, – Опойка бормотал, не поднимая головы.

-Не дрочи, б...ь. Не дрочи, кому сказал, – Чеснок хлопнул Опойку ладонью по голове.

-Нааа х.. суууукааааа, – злобно, приглушённым голосом ответил Опойка.

-Давай его, – Чеснок встал и посмотрел на Николаича.

-Я помогу, – сказал Вадим, вставая.

Чеснок взял Опойку под левую руку. Вадим поняв, что делать, под правую. Они подняли Опойку и перевалили его на другую сторону бревна. Опойка дёргался, сопротивляясь.

-Нифига он сильный, – сказал Вадим.

-Витёк у нас ещё огого! Уличный боец х..и, – сказал Чеснок.

Они усадили Опойку на землю, в туже позу, что он и был. Чеснок ногой поправил ему ноги, чтобы они вытянулись. Опойка что-то бормотал и свалился на бок. На мост зашли пацаны. Они толкали мотоцикл. Один пацан шёл держа мотоцикл за руль, другой толкал сзади.

-Уже ухайдокали драндулет. Надо же, так жидко обосрать-

ся. Ха-ха, – засмеялся Лупень.

-Может, бензин кончился, – сказал Николаич.

Пацаны прошли мост, вышли на берег. Они подошли к бревну. Ведущий поставил мотоцикл на подножку. Подошёл к Пятаку. Молча протянул раскрытую пачку сигарет. Пятак вытряхнул сигареты, их было три штуки разных марок.

-Курева нашкуляли. Молодцы, – сказал Пятак. Он сунул одну в рот. Две передал Чесноку. Тот одну дал Николаичу. Вторую протянул Вадиму. Тот отрицательно покачал головой.

-Ты же не куришь. Забыл, – сказал Чеснок и протянул сигарету Наде. Она взяла. Закурили.

-Что случилось? – спросил Николаич, кивнув на мотоцикл.

-Сосок вырвало. На переднем колесе.

-Опять сосок. Дима, блин, запомни сосок это у бабы. В камере вентиль. Мотоцикл, машина один х.. вентиль, – раздражаясь, сказал Пятак.

-Да пацаны говорят сосок да сосок. Я за ними.

-Ну и пусть говорят, а ты правильно говори. В автоколонне начальника прислали по распределению после института молокососа. Говорит: «У меня сосок вырвало, поменяйте камеру». Мы ржём. Он горячится: «Что я такого смешного сказал?». Высшее образование, б..ь, не знает, как вентиль называется, – сказал Пятак.

-Он думал, вы ржёте, не считаете его за начальника. Всегда так происходит, -сказал Николаич.

-Да х.. с ним, давно это было. Через полгода его убрали. Он на главмеханика начал голос повышать. А они с начальником колонны старые друзья были. Главмех пошёл к нему: «Ты убери его отсюда, пока я ему по башке не у...л».

Перевели куда-то.

-Я запомню. Вентиль. Вентиль, – повторил несколько раз пацан, – Что маме сказать?

-Скажи, что вечером приду. Наверно, – добавил Пятак.

Пацаны покатали мотоцикл в сторону бараков. По этой дороге на мост проехал японский микроавтобус.

-Богатые, богатые едут, – смеясь сказал Пятак.

-Сука опять машину сменил. Всё торгует, торгует, всё денег мало что ли. Х..и ж..у рвать за эти деньги. Ну, больше заработаешь, больше потратишь. Так и жизнь пройдёт, не успеешь потратить. Выше х..я всё равно не прыгнешь, – сказал Лупень.

-Почему богатый? – спросил Вадим.

-А ты видел, какой дом строит? Такой домище и содержать до х.. денег надо.

-Сумел заработать, потратил. Любой человек имеет право, – сказал Вадим.

-Кто? Человек он? Да когда барыги людьми были. Ты что как маленький, Вадим, -оживился Чеснок.

Вадим посмотрел на него и задумался:

-А ведь если подумать это интересно. Всё было зря. Революция, гражданская война, миллионы убитых, умерших с голода. Молодёжь, идущая на смерть, на эшафот, на каторгу, муки. Всё было зря. Вот они богатые, вот они бед-

ные. Вот она эксплуатация пролетариата. Вот оно государство, как карательная система для защиты богатых от бедных. Ха-ха. Не прошло и сто лет, и мы вернулись к тому, от чего пытались убежать. Ну, ладно двадцатый век, у нас была попытка построить утопический социализм, была надежда, была борьба, у нас, блин, была попытка. А вот пацаны, которые погибли в девятнадцатом веке, они ведь умирали с надеждой, что не зря умирают. У них даже не было попытки, у них были только мечты. Они надеялись своей смертью вдохновить новых людей на борьбу. На их глазах не справедливое общество, по их мнению не справедливое, даже не собиралось рушиться. Неужели у них не возникало сомнения, а может мы зря умираем. Кибальчич, Желябов, Гесья Гельфман, Гриневицкий, Каракозов, какие люди, какие имена. Они все умерли молодыми. Они умерли молодыми ради великой мечты о социализме, а мы променяли великую мечту на жвачку, джинсы, видеомагнитофон и сто сортов колбасы.

-А колбаса оказалась из дерьма. Но это уже подробности. Главное они слово сдержали, сто сортов мы получили. Ха-ха-ха.-засмеялся Николаич.

-Кибальчичу забыл, сколько было, но не больше тридцати. Он был изобретатель. Мог бы интересно, с пользой для людей прожить жизнь. Но пошёл в борьбу, его повешали. Вот перед смертью, когда он уже стоял на эшафоте. Его бы к нам,

что бы он увидел, какое общество у нас сейчас тут. Он бы заплакал на эшафоте не оттого, что умирает молодым, а от того, что зря умирает. Его смерть на х.. не кому не нужна была. Ничего не изменила. Потомкам по х.. ,ради чего он пошёл на эшафот. Вот так получилось, – закончил Вадим.

-Да х...о получилось. Такие пацаны не за х.. погибли, – сказал Пятак.

-Студенты были. Начитались книжек. Думали надо только перевешать царя и министров, и будет всем счастье. А кто к власти придёт? Об этом, наверно, не думали. А придут к власти такие же люди из мяса, крови и говна, – злобно сказал Николаич.

-При царе лучше было? – Вадим посмотрел на него.

-Я не сказал лучше. Люди расходный материал для лубой власти. Как лес ,уголь ,нефть. Я это хотел сказать. Надо Питербург построить: мужиков туда нагнать. Пусть дохнут, как мухи. Надо Беломорканал: то же самое.А ,а. – Николаич махнул рукой и посмотрел в сторону.

-А я думаю, человек должен стремиться к справедливости. Справедливость – это вневременная ценность, даже когда заселим другие планеты, справедливость будет на первом

месте, – сказал Вадим.

Все негромко засмеялись.

-Поверь моему опыту, скоро у тебя эта глупость пройдет. Человек – это звучит гордо. Нам это в школе вдалбливали, ты захватил? – сказал Николаич.

-Да. Это Горький, – сказал Вадим.

-А я сейчас думаю. А вот с х..ли он решил, что человек – это звучит гордо. Вот зачем человек живёт? Жрать, с..ть, трахаться, н...ть такого же человека. Причём на...ть того, кто рядом, потому что ,до того, кто далеко не добраться. И чем тут гордится. – сказал Николаич.

-Человек живёт, чтобы заботиться о другом человеке, – сказал Вадим.

-Позаботишься обо мне сегодня. А я о тебе, – сказала Надя, снова обняв Вадима за шею.

-Человечеству нужен идеал. Лучше социализма ничего не придумали. Социализм всё равно будет! – сказал Вадим.

-Не будет, – буркнул Николаич, – Точнее, больше таких

дураков не будет.

-Каких?

—Каких? Ну, например, как Павка Корчагин. Полудурок бесплатно работал. Пойдёшь бесплатно работать ради социализма? Причём социализм не рядом. Он где-то далеко на горизонте как мираж в пустыне. Чем быстрее к нему бежишь, тем быстрее он удаляется. А пока ты своё здоровье ухаживаешь, умные люди будут тобой руководить и жизнью наслаждаться.

-Выпить нечего? – спросил Вадим.

-Я с тобой. Поехали возьмём, – Надя взяла ладонь Вадима в свою ладонь.

-Демьян! Демьян! – вдруг закричал Лупень, подскочив на бревне, вытянув руку, тыча указательным пальцем на протоку.

Там на лёгкой вёсельной лодке, на том берегу, вдоль кустов ивы плыл мужик. Лодка шла по течению и быстро удалялась, легко скользя по воде.

-Дурак что ли. Это Гриша Савельев, – сказала Надя.

-А, точно, – Лупень сел на место, – А мне показалось Демьян вернулся.

-Он не вернётся, – усмехнулся Чеснок.

По мосту с той стороны возвращалась баба Тоня. Она подошла к бревну. Заговорила, обращаясь к Нади:

-Черняеву видела. Спрашивала про тебя, про Дусю Перминову. Мужичонка-то живёт с Дусей? Без мужичонка-то нельзя. Мужичонка всегда нужен. Живёт?

-Живёт, – буркнула Надя.

-Ааа?

-Живёт. Куда он на х.. денется. Мужичонка то б...ь, – зарорала Надя.

-Что, шумишь? Я не глухая, – взвигнула баба Тоня и пошла к бараку.

От Опойки пошли какие-то звуки. К удивлению всех, он стал подниматься. Он поднялся в полный рост, выпрямился, поднял голову.

-Уууу, – его голос издал глухой выдох. Он сделал шаг и пошёл вперёд в сторону сгоревшего дома, не сгибаясь, смотря прямо перед собой, опустив руки вниз. Сделав несколько шагов, он остановился, постоял, сделал ещё несколько шагов, снова встал. Наклонился вперёд и со всей высоты роста, не пытаясь выставить руки вперёд, упал как подрубленное дерево. Туловище оказалось в траве. Руки вдоль тела. Голову успел повернуть налево и упал на щеку. Ноги были на пыльной земле.

Лупень встал с бревна. Сделал несколько шагов. Не доходя до Опойки, остановился, вытянул вперёд шею.

-Мужики он, кажется, крикнул, – Сказал Лупень.

-Да ну прям, – сказала Надя.

-Витёк нас всех переживёт, – сказал Пятак.

-Нет, мужики. Он в натуре крикнул. Смотрите обоссался.-из под Опойки медленно выползло пятно мочи.

-Ну и в рот его е...ь. Х..и ты раскудахтался. Крикнул и крикнул. Мы все здесь сдохнем. На этом бревне е...ом. Как Савватеич. Нет Савватеич умер. Савватеич был человек. А мы сдохнем на х... -заорал Чеснок.

-Что ты тоску нагоняешь? Веселиться надо. Да, Вадик? – сказала Надя, прижимаясь к нему.

-Молодец, Надюха, ты всегда в бодряке, – сказал Пятак.

Лупень сел на своё место. Покачал головой. По мосту прошла женщина в длинной юбке и футболке.

-Привет. Что нового в вашем краю? – обратился к ней Лупень.

– Ой, да что может быть нового. Саши деньги не дают, опять задержка. Юлька уезжает учиться. Как она там будет? Ночами не сплю. У Клавдии Васильевны дочь болеет, помогать надо. Ой, столько забот, столько забот. Как тяжело жить. От Саши тебе привет.

– Ага, и ему от меня, – сказал Лупень.

Женщина пошла в сторону барачков. Лупень проводил её взглядом и сплюнул на землю.

-Чё ты на неё так? Родственница же, – спросил Чеснок.

-Как так? Чё за люди б..дь, сало жрут каждый день и ноют

что жизнь х...ая.

-Жрут, так и работают, чтобы жрать. Хозяйство вести не п...ой трясти, – сказала Надя.

-Может, ему хреново, воды там или чё, – Лупень посмотрел на Опойку.

-С чего ты решил, что он готов? – сказала Катя.

-Караваева вспомнил. Я когда зашёл, сразу понял, что он всё. Он лежал ко мне спиной на боку. Какая-то х....я происходит. Видно, что человек мёртвый, а не просто спит, – сказал Лупень.

-Так спаси его, х..и сидишь. Сделай что-нибудь, я тебя умоляю. Ха-ха, – засмеялся Чеснок, – ты его спаси как дед бабку. Утром дед закурил самосад, а ведь так и Ильича можно было спасти. Ха-ха-ха.

Все засмеялись, кроме Николаича и Вадима. Лупень тоже засмеялся.

-Таак, таак, – взади раздался раздражённый голос, за болтовнёй не заметили, кто подошёл. Все оглянулись.

-Во б...ь, – вырвалось у Пятака.

Взади бревна стоял Валентиныч. Его трясло. Тряслись губы, особенно нижняя, тряслись руки.

-Анатолий, конечно, не пришёл, неудивительно, – резко заговорил он, – я допускал мысль, что он способен на такое, но я потрясён.

-Валентиныч, что случилось, ближе к делу, – сказал Чеснок.

-Он совершил крайне, крайне... – Валентиныч не мог подобрать подходящие слова, чтобы выразить всю остроту момента и гамму эмоций переполняющих его, – он украл у меня окорочок! – завизжал он.

Люди заулыбались.

-Я оставил его без присмотра на минуту, всего на минуту. Мне позвонили. Я ушёл в дом. Потом я обнаружил отсутствие окорочка. Я не поверил своим глазам!

-Сколько их было? – серьёзно спросил Чеснок.

-Я пересчитал, семь. Нет было восемь стало семь. Один

исчез.

-Ты не ошибся? – сказал Николаич.

-Неужели он думает, я не пойму, – Валентиныч схватился за голову.

-Почему ты уверен, что это он? Доказательства нужны, – сказал Николаич.

-В доме ещё кто-нибудь был? – спросил Чеснок.

-Витёк умер.-неожиданно выкрикнула Надя.

Валентиныч быстро покосился на Опойку. Мельком покривился и продолжил.

-Какие доказательства. Вчера я купил окорочка. Я сохранил чек! Какие сомнения. Утром я вытащил окорочка из морозилки. Сейчас пересчитал, их семь! А в магазине я купил восемь!

-Даа...ситуация, – сказал Чеснок, – Что скажешь? – он посмотрел на Николаича.

-Разобраться надо. Может, где-то ошибка.

-Да х..и тут разбираться, если больше никого не было, – сказал Чеснок, – говорили тебе, дрочи его, сделай из него человека. Безотцовщина х..и.

-Поздно дрочить, пока маленький, надо дрочить, – сказал Лупень.

-Никогда не поздно. В армии такие балбесы были. Смотришь, через пару месяцев, на человека стал похож, – сказал Пятак.

Началось обсуждение ситуации.

-Таак, – громко сказал Валентиныч, видя, что на него не обращают внимание, – я конечно, не пойду в милицию из-за такого незначительного повода. Ему передайте, если не принесёт деньги, он окончательно потеряет...нет, не так. Он окончательно испортит отношение к себе у людей, у которых он работал. Оно к нему и так было не ахти. Если будет отрицать, отрицать на его месте бессмысленно, кому поверят мне или ему? Надеюсь, он это понимает.

-Анатолий – это кто? Толик лохматый? – сказал Вадим.

-Ну да, – сказал Пятак.

-Почему лохматый? – спросила Надя.

-В школе ходил не стриженный. Дай встану.

Надя слезла с колен на бревно. Вадим встал, вытащил из кармана штанов смятые купюры.

-Сколько стоит окорочок? – сказал он.

-Убери деньги. Х...ей не занимайся. Появится, спросим. Признается, никуда не денется, – резко сказал Чеснок.

-Не трогайте вы его. Он и так жизнью обиженный, х..м прибитый. Я же помню по школе. Хватит? – Вадим расправил и протянул купюру Валентиничу.

Тот протянул было руку и убрал её назад.

-Тебя, кажется, Вадим зовут?

-Да.

-Вадим ты поступаешь неправильно. Ты поощряешь воровство и безответственность. Он должен признаться перед всеми и искупить свою вину. Деньгами или отработать.

-Ничего я не поощряю. Он должен вам. Будет должен мне, отработает на даче. На этой е...ей даче работа никогда не кончится. Держите, – Вадим настойчиво протягивал купюру.

Лицо Валентиныча было непроницаемым, но глаза хватали купюру, в нём боролись желания настоять на своём или взять деньги.

-Бери Валентиныч, – сказала Катя, – пока деньги есть. Ха-ха.

-Бери, – неожиданно сказал Чеснок.

-Бери, – сказал Николаич.

-Бери, – сказали Пятак и Лупень.

-Хорошо, друзья. Я уступаю вашему мнению, но вы должны понимать, вы даёте ему повод так поступать. Оставляю это на ваше усмотрение.

Валентиныч взял деньги. Положил в карман и попрощался.

-Зря дал. Всех не пожалеешь.-сказал Чеснок.

-Надя с вещами на выход, – сказал Николаич.

-А? – не поняла Надя.

Все посмотрели, куда смотрел Николаич. По тропинке слева шли мужчина и женщина около сорока лет. Они сразу повернули к бревну. Мужик шёл чуть впереди решительным шагом. Они подошли.

-Здарова всем, – сказал мужик.

-Привет, Надя, – сказала женщина, – пойдём чай пить.

-Да с х...и я пойду. Только попробуй, шары выцарапаю, – Надя растопырила пальцы ногтями вперёд, прижала ладони к груди, как будто перед прыжком, потому что мужик подошёл справа и протянул руку, чтобы взять её под локоть. Женщина подошла слева и махнула головой Вадику, чтобы он отодвинулся.

-Погода сегодня хорошая, – выразительно сказал Вадим, смотря на воду.

Надя вцепилась обеими руками в его руку.

-Надя, надо, пойдём, – сказала женщина, протянув руку.

-Без Вадика я никуда не пойду. Мы поедем купаться.

-Отличная идея, кстати. Поехали купаться, – мужик посмотрел на Вадика, – может, бензина надо? Я залью, у Быкова есть.

-Бухло у вас продают? Мне маленько не хватило.

-Нет. Ципа не гонит, – сказал Мужик, -у Лысого?

-У Лысого всегда есть, – сказал Чеснок.

-Я схожу. Вы пока собирайтесь, – сказал мужик.

-Поехали, надоело сидеть, – Вадим встал. Перешагнул бревно. Надя за ним. Мужик с женщиной пошли к машине. Вадик сел за руль, открыл дверцу со стороны пассажира. Надя пошла туда. Женщина за ней.

-Надюша, мы сзади сядем, мужики пусть впереди, – сказала она, хватая Надю под локоть и не пуская на переднее сиденье.

-Нет, я с Вадиком. Да не держи ты меня.

Женщина не отпускала.

-Да отпусти ты меня, липучка. Верка, а ты рассказала Мишке, как мы в городе е...ись? Ха-ха-ха.

Мужик зыркнул на женщину.

– Садись, время теряем, – злобно сказал он. Мужик сел сзади Вадика и открыл дверцу для женщины. Та села в машину. Надя села с Вадиком. Он уже завёл машину. Они тронулись с места и поехали к Лысому.

-Укатила Надюха, – сказал Пятак.

Все замолчали. Чеснок смотрел на воду. Николаич задумался, наверно, о ситуации с Толиком. Со стороны барачков по мосту поехал жёлтый иж-комби.

-Кто насрал в мой сапог? Ха-ха-ха, – неожиданно засмеялся Лупень.

-Юмахин проехал? – спросил Пятак.

-Ага. Юстас. Гнида вы.....ся над нами. На уборке картохи все ночевали в палатке. Утром суёт ногу в сапог, орёт: «Аа!

Кто в насрал мой сапог.». Ха-ха-ха. Никогда не забуду.

-Нашли, кто насрал?

-Нет, конечно, ночью же. Наверно, Серый или Череп.

-Деревенские? – сказал Пятак.

-Череп да. Серый от туда до Москвы рукой подать. В городе у него тётка была, у себя он куролесил по малолетке. Мать его сюда, в ПТУ, думала, что город маленький и не залезет никуда. Пропал безвести, в город уехал на последнем автобусе и всё. От судьбы не уйдёшь.

-О, Мужик идёт. Пока мы х.. пинаем, человек уже отработал, -сказал Чеснок.

Слева по берегу подошёл Иваныч. Разноска была наполнена свежей картошкой. Все встали и встретили его возле бревна. Он поставил разноску на землю.

-Кто курить? – Иваныч достал кисет.

-Эх ты, за картоху отпахал, – сказал Лупень. Он взял одну картошину и замахнулся кинуть.

-На место положи, – сказал Чеснок.

Лупень бросил картошину в разноску. Она скатилась по другим картофилинам и упала на землю.

-Подбери, – сказал Чеснок.

Лупень сжал губы, медленно нагнулся, взял картошку и положил в разноску.

-У тебя там есть табак нормальный ,без пыли?-Чеснок спросил Николаича.

-Да второй день сушится.

-Можно рубить?

-Да.

-Ну, пойдём, нарубишь нам стакан, – Чеснок посмотрел на Пятака.

-Отдыхает, – Иваныч равнодушно посмотрел на Опойку.

-Да, вроде, крякнул, – сказал Чеснок.

-Ааа, – Иваныч взял разноску и пошёл на берег. Чеснок и Пятак с ним. Чеснок справа, Пятак слева. Лупень сел на бревно и устался в землю. Николаич сел на траву, облокотившись спиной на бревно. Достал сигарету, закурил и сжав кулаки стал смотреть на Лупня, держа сигарету между пальцами – большим и согнутым указательным.

По мосту быстро проехала красная нива и резко остановилась перед бревном, став немного боком передом влево. Из неё вышли два подкаченных парня среднего роста. В спортивных костюмах и кроссовках. Один снял куртку и положил на капот нивы, он был в спортивной майке, второй уже был в футболке. Они не спеша пошли к бревну. На задней дверце нивы опустилось стекло, там сидела девушка, которую утром с Юрой чуть не обоссал Лупень. Она ела яблоко и жадно смотрела, что происходит. Парни подошли к Лупню. Тот совсем согнулся и обхватил голову руками. Парень в майке похлопал Лупня по голове.

-Пошла на х...-промычал Лупень, не поднимая головы.

-Подожди надо растолкать. Должен знать, за что п...ят, – сказал второй парень.

-Не переживай за него. Ему расскажут. Я настроился, а тут что бить. Говно это пинать, только мараться.

Парень слегка ударил Лупня по голове кулаком.

-Суукаа,п...р,б...ь, – Лупень резко соскочил и, шатаясь, схватил парня за майку в районе груди.

Второй парень стоял слева, левой рукой он быстро двинул Лупню в челюсть. В майке стал бить Лупня в живот обеими руками. Лупень согнулся и упал на землю. Его стали бить ногами. Лупень извивался как червяк.

-Тормози, надо по е...у попасть, чтобы запомнил, – сказал в майке.

Парни стали прижимать Лупня к бревну. Он изворачивался. Наконец, в футболке, давя ногой в живот, прижал его спиной к бревну. Лупень схватился за ногу и пытался убрать её. В майке пытался попасть в лицо кроссовком. Несколько ударов были смазаны, наконец, он попал в зубы, тут же добавил ещё. Лупень схватился за лицо. В футболке со всей силы пнул его в живот. Лупень инстинктивно согнулся и захрепел.

-Всё, готов, – сказал в майке. Он ещё добавил пару раз в кровавое месиво, на месте лица.

-Блин кроссовок замарал, – сказал он.

Николаич смотрел на протоку, докуривая сигарету. В футболке подошёл к нему.

-Скажешь ему увидим здесь , будем пи...ть. Понял? – сказал он.

Николаич щелчком пальцев выкинул бычок. Он молчал.

-Ты понял, тебя спрашиваю.

Николаич медленно встал.

-Я не понял. Ты ещё раз повтори, – с расстановкой сказал он.

Они с парнем упёрлись в друг друга. В это время в майке подошёл к ,Ниве,. Девушка положила руку на опущенное стекло. Парень положил руку на её руку и

ощутил мелкую дрожь. Он пристально посмотрел ей в глаза.

-Хочешь? -тихо сказал он.

-Дааа, -сквозь зубы процедила девушка.

-Отвезём Андрея, отъедем, – сказал парень.

-Что я дома скажууу?

-Придумаем что-нибудь. Андрюха поехали, – парень обернулся к бревну.

-Андрей поехали, – крикнула девушка.

В футболке пошёл к машине. Они сели в Ниву и поехали на мост.

Толик удивлённо посмотрел на Чилима и попытался скрыть, что напрягся, увидев его. Сделал шаг влево, обходя его. Но Чилим перегородил ему дорогу.

-Куда рванул так быстро? Что за дело? Кто послал? – быстро заговорил Чилим.

-Да посрать я, приспичило. Отойди.

-Посрать? Так далеко побежал? Ближе нельзя. Врёшь, – Чилим стал хватать Толика за правую руку.

Толик до этого не смотревший на него, впился взглядом

в лицо Чилима. Толик почувствовал как внутри него всё холодеет. Он уже не мог контролировать раздражение и злобу.

-Да отпусти ты, – он вырвал руку. Сделал шаг вперёд.

-Ах ты, сука, – Чилим вцепился ему в плечо.

-Сам сука, – Толик пятернёй левой руки смазал по лицу Чилима.

-Бляяя, – Чилим кинулся на него. Они сцепились. Упёршись взглядом друг в друга. Две силы, две воли. Компромисс не возможен. Человеческое достоинство можно растоптать, но невозможно уничтожить.

Толик стал действовать и правой рукой тоже. Окорочок скользнул вниз.

-Окорочок!!!.-завизжал Чилим и рванулся к нему.

-Не трожь падла.-заорал Толик.

Чилим ударил справа, Толик откачнулся и кинулся в драку. Чилим, не ожидая отпора, нагло и удивлённо смотрел ему в глаза. Толик, не чувствуя страха, с лихостью обречённого врезал ему в челюсть. Триумф воли. Победа над са-

мим собой. Они обменялись ударами, но вскоре вцепились в одежду друг друга. Недолго боролись. Споткнулись, упали, борьба продолжилась на земле. Они катались по земле, издавая вопли и звериный рев. Тела переплелись, удар в поддых, грязные пальцы лезут в рот. Укусил:

-Сукаааа.

Коленом по яйцам. Они сражались несколько минут. Выдохлись. Отползли друг от друга. Толик стал смотреть, где окорочок. Его не было. Толик в пылу драки не заметил, как его утащила собака-дворняжка. Она выскочила из переулка, остановилась, увидев дерущихся, и тут же уловила запах мяса. По запаху нашла окорочок и, уловив момент, мгновенно схватила его и убежала назад в переулок.

Толик не понимал, куда делся окорочок. Но он прекрасно видел, что окорочка больше нет. Чилим стоял, согнувшись. Всхлипывал, размазывая по лицу кровь:

-Всё тебе п...ец. Всё Борябе расскажу, всё расскажу, – повторял он, всхлипывая.

Толик ощущал пустоту. Не было боли, досады, даже о Борябе он не думал. Был только недоуменный вопрос: «Куда он делся?» Но его не было. Толик встал. Ещё раз оглядел

поле боя. Развернулся и, медленно пошатываясь, пошёл вперёд. Чилим что-то кричал ему в спину. Толик не слышал его. Через проулок он вышел к берегу. Тропинка, по которой пацианы ходят купаться. Толик спустился к воде.

Здесь уже были отмели. Толик по песку дошёл до воды. Встал на колени, напился воды, умылся, отполз на коленях в сторону, снова напился. Он оглянулся на берег, посмотрел на кусты ивы. Там тень. Подошёл, лёг в тень на спину, подложив под голову палку покрытую мхом. Толик чувствовал себя очень уставшим. Вяло думал: «-Почему так...Почему мне опять не повезло»

Усталость, тень и покой быстро сделали своё дело, он уже ничего не думал. Толик спал, равномерно дыша грудью. Ему снился жареный окорочок.